

ОГОНЁК
№ 7 ФЕВРАЛЬ 1959
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Накануне XXI съезда КПСС со стапелей Николаевского судостроительного завода имени Носенко спущена на воду китобойная база «Советская Украина». Это — самое крупное судно в советском промысловом флоте. Водоизмещение его — 44 тысячи тонн. Площадь главной палубы (4 500 квадратных метров) превосходит размерами футбольное поле.

«Советская Украина» оснащена разнообразным технологическим оборудованием, которое обеспечивает стопроцентную переработку китового сырья. Наряду с жиром здесь будут получаться также мороженое пищевое мясо, печень, богатая витамином «А», сырье для производства инсулина, кожа для обуви и т. п.

«Советская Украина» будет одной из самых быстроходных в мире китобойных баз (ее скорость — 16 миль в час). Для разведки китов на палубе судна будет находиться вертолет. В этом году после окончательной достройки новая китобойная база уйдет на свой первый промысел в моря Антарктики.

Фото Д. Ухтомского.

На первой странице обложки: Композитор и дирижер, народный артист СССР профессор Мухтар Ашрафи.

Фото С. Фридлянда.

Да здравствует коммунизм!

5 ФЕВРАЛЯ ЗАКОНЧИЛ СВОЮ РАБОТУ ВНЕОЧЕРЕДНОЙ XXI СЪЕЗД КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ СОВЕТСКОГО СОЮЗА. На снимке: заключительный момент последнего заседания съезда.

Фото Дм. Бальтерманца.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК № 7 (1652)

8 ФЕВРАЛЯ 1959

37-й год издания

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО - ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО - ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Н. С. Хрущев среди делегатов съезда.

Фото Дм. Бальтерманца.

Съезд строителей коммунизма

Бывают в жизни народа такие дни, которые стоят десятилетий.

Великий труд миллионов людей, прозорливая мысль тех, кто стоит у кормила государства, мудрое соединение теории и практики приобрели в истории нашей страны такое качество, что продвигают жизнь народа на следующую ступень исторического развития. Исходным рубежом этого нового периода явился внеочередной XXI съезд Коммунистической партии Советского Союза.

На сорок втором году после Октябрьской революции устами Первого секретаря Центрального Комитета КПСС и Председателя Совета Министров СССР Никиты Сергеевича Хрущева советский народ и Коммунистическая партия сказали: **«...Социализм победил не только полностью, но и окончательно».**

То, о чем мечтали наши предки, мечтали лучшие головы человечества, удалось впервые в истории осуществить советским людям. Великий Ленин стоял у колыбели нашего государства. На берегах широкой Волги и в далекой сибирской ссылке, на эмигрантских квартирах и за озером Разлив, в холодную октябрьскую ночь в Петрограде великий русский человек Владимир Ильич Ленин мечтал об этом счастливом времени, точно определив его контуры, завещая Коммунистической партии и всем будущим поколениям советских людей строительство первого в мире социалистического общества.

Мы всегда смотрим вперед, всегда думаем о будущем, но вместе с тем никогда не забываем солдат и командиров строительства социализма в нашей стране. И в эти счастливые зимние дни 1959 года, когда в Большом Кремлевском дворце собрался съезд строителей коммунистического общества — представители более чем восьмимиллионной Коммунистической партии Советского Союза,— мы вспоминаем тех, кто отдал свои жизни на мостовых Петрограда, в широких степях Украины, в таежной Сибири; вспоминаем тех, кто в годы первых пятилеток простыми лопатами копал котлованы цехов на Сталинградском тракторном, на ростовском «Сельмаше», на Магнитке и в Кузбассе — всюду, куда по путевке партии приходили коммунисты, под холодными зимними ветрами поднимавшие первые стены гигантов советской индустрии.

Это их труд ознаменовал начало великого времени, в котором мы сейчас живем. Честь и слава им, бойцам и строителям! Это они, героические советские люди, по зову партии и Советского правительства вынесли тяжелые военные испытания Великой Отечественной войны; это многие из них отдали молодые жизни, кровь своих горячих сердец за победу социализма.

Нет, никому и никогда не удастся поколебать силу и мощь нашего народа, возмужав-

шего, окрепшего в послевоенные годы, мощно идущего богатырскими шагами вперед!

Как будто бы все обычно в нашей стране, и вместе с тем все необычно. Нигде и никогда еще не было такого положения, чтобы план развития огромного государства на целое семилетие был так широко — письменно и устно — обсужден миллионами людей, чтобы каждый человек, где бы он ни находился — в Москве или на далеком Севере, на Сахалине или в Калининграде,— чувствовал себя участником составления этого плана. Это — великое счастье, и это — огромное завоевание нашего социалистического строя. И поэтому, когда в 10 часов утра 27 января 1959 года открылся внеочередной XXI съезд КПСС, казалось, что в нем участвуют миллионы людей.

Доклад Никиты Сергеевича Хрущева явился наглядным свидетельством мудрости нашей партии, победы теории марксизма-ленинизма, зиждущейся на практике социалистического строительства. Когда-то мы мечтали о коммунизме, как об очень далеком времени. И вот ныне наступило время, когда мы, построив социализм, входим в новый период истории нашего государства — период развернутого строительства коммунистического общества. Так же как не сразу мы вошли в социализм, так и коммунистическое общество предстанет перед нами, все ощутимей вырастая на наших глазах, благодаря нашим же трудам и заботам.

Сейчас уже смешными кажутся былые пророчества наших врагов, зарубежных и внутренних, предсказывавших когда-то разные сроки краха Советского государства, каркавших о нереальности наших планов. Где эти пророки и где их предсказания? Как говорит восточная пословица, «собака лает, караван идет дальше». Так, действительно, было десятилетия назад, было и в послевоенные годы. Злобные собаки империализма лаяли на наш советский караван, но советский караван шел все быстрее, наращивая скорость движения. Раздаются и сейчас за рубежом, хотя уже и не с такой уверенностью, как в прошлые годы, крики тех, которым очень хотелось бы, чтобы и впрямь мы шагали потише. И молока, дескать, в Советской стране такого количества не надоят, и мяса от скота не получат, и пшеницы с полей не возьмут. Жалкие пигмеи! Пусть посмотрят они на нашу жизнь, пусть хотя бы коротко вспомнят историю нашей Родины, историю наших побед! Как мелкие комья грязи, отлетающие в сторону от стремительного ветра движения, отскакивают от нас клевета, всяческие наветы и пасквили наемных буржуазных писак и ревизионистов различных мастей. Пусть посмотрят в небо: над их головами в солнечных лучах светится искусственная советская планета, несущая на себе вымпел со словами: «Союз Советских Социалистических Республик. Январь, 1959 год». Пусть, если уж им нечего делать, займутся подсчетом количества оборотов третьего искусственного спутника вокруг Земли. Да и мало ли что мы можем им предложить, этим людям, теряющим все больше перспектив в жизни!

Когда-то мы были одни на огромном земном шаре, первые тысячи коммунистов, зачинатели новой эры человечества. Сегодня в 83 странах мира живут и борются коммунистические и рабочие марксистско-ленинские партии, насчитывающие в своих рядах более 33 миллионов человек.

Мы слышали на XXI съезде горячие слова наших друзей со всех континентов земного шара. Сейчас уже нет страны, где бы не ощущалось могучее влияние марксизма-ленинизма. В тяжелейших условиях, под угрозой бесчеловечного террора, теряя десятки и сотни стойких борцов, убитых и брошенных в тюрьмы, сражаются и борются партии трудящихся за свободу своих народов. Поэтому были так счастливы мы, люди Советской страны, видеть в зале заседаний XXI съезда представителей братских коммунистических и рабочих партий. Поэтому так горячо, стоя, аплодировал съезд, когда товарищ Хо Ши Мин подошел к Никите Сергеевичу Хрущеву и они направились к друзьям и товарищам, прибывшим на съезд. А какой гром стоял в Большом Кремлевском дворце после замечательной речи товарища Чжоу Энь-лая, когда он, сойдя с трибуны, по-братски обнял товарища Хрущева! Это и есть истинное братство народов великого Китая и великого Советского Союза, братство всех народов, представленных делегатами и гостями на XXI съезде. Да, это единство и братство выковано в боях за социализм, за счастье всего человечества, революционное братство народов, приветствовавших передовой отряд борцов за коммунизм—Коммунистическую партию Советского Союза.

XXI съезд закончен. Делегатами съезда принята и утверждена грандиозная программа строительства коммунизма в нашей стране. В заключительном разделе доклада Никита Сергеевич Хрущев говорил:

«Советский народ в ходе социалистического строительства проявил чудеса трудового героизма. Не может быть сомнения в том, что семилетний план вызовет к жизни новую волну трудового энтузиазма, породит новые формы всенародного социалистического соревнования за досрочное выполнение заданий величественной программы коммунистического строительства в нашей стране».

Да, действительно, сомнения быть не может! Миллионы советских людей на фабриках и заводах, в институтах и лабораториях сделают все, чтобы великий семилетний план был выполнен, чтобы каждая строка этого плана наполнилась горячим кипением сердец тех, кому дано счастье называться строителями коммунистического общества.

Великое счастье жить и работать в наше время!

А. СОФРОНОВ

Делегация Коммунистической партии Чехословакии во главе с Антонином Новотным посетила московский станкостроительный завод имени Серго Орджоникидзе. Здесь состоялся многолюдный митинг. Гости осмотрели автоматические линии, досрочно выпущенные коллективом предприятия ко дню открытия XXI съезда. На снимке: рабочие завода приветствуют А. Новотного и членов делегации.

Фото Н. Ситникова (ТАСС).

А. И. Кириченко и А. И. Микоян в перерыве между заседаниями беседуют с А. Е. Корнейчуком.

МОГУЧАЯ СПЛОЧЕННОСТЬ МАРКСИСТСКО-

БОРЬБА ЗА ОСВОБОЖДЕНИЕ ТРУДОВОГО ЧЕЛОВЕЧЕСТВА, ЗА МИР, ЗА СОЦИАЛИЗМ — ОБЩАЯ ЦЕЛЬ КОММУНИСТИЧЕСКОГО ДВИЖЕНИЯ

По моему мнению, XXI съезд — событие безмерной важности и значения и для сегодняшнего дня и для исторического будущего; результаты работы съезда очень скоро благоприятно скажутся в международной жизни и в международных отношениях.

XXI съезд Коммунистической партии Советского Союза останется в истории человеческого прогресса как веха, знаменующая гигантские шаги советского народа и движения всего человечества вперед, к желанной цели — коммунистическому обществу.

Долорес ИБАРРУРИ,
Генеральный секретарь ЦК Коммунистической партии Испании.

Приветствую дорогих читателей «Огонька»!

По случаю XXI съезда КПСС я желаю советскому народу новых огромных побед в строительстве коммунизма. Советский семилетний план озаряет светлое будущее всего человечества. Я верю, что окончательная победа коммунизма уже близка.

ХО ШИ МИН,
Председатель и генеральный секретарь ЦК Партии трудящихся Вьетнама.

Братский привет от Канады читателям «Огонька». Я рад случаю побеседовать с ними.

Присутствовать на XXI съезде — это незабываемое и поучительное переживание. Доклад товарища Хрущева весь сверкал примерами великих побед советского народа и дал столь же яркую перспективу изобилия и культурного расцвета. Семилетний план ускорит перемены, уже начавшиеся в странах капитализма.

Какой контраст с Канадой! В годы ваших исторических достижений наши капиталисты отдали страну под контроль Соединенных Штатов, поставили ее в тяжелую зависимость от продажи сырья, чтобы оплачивать американский импорт, втянули Канаду в проводимую Соединенными Штатами подготовку к войне. Одним из последствий этого явилось то, что 14 процентов всех канадских рабочих сегодня лишены работы.

Доклад товарища Хрущева воочию показывает рабочим Канады и всех других капиталистических стран решающие преимущества социализма. Это еще больше укрепит международное единство рабочего класса и дело мира.

Вперед, к победе через мирное соревнование!

ТИМ БАК,
Генеральный секретарь Национального комитета Рабочей прогрессивной партии Канады.

Долорес Ибаррури беседует с делегатами съезда дважды Героем Социалистического Труда звеньевой колхоза имени Ильича, Киевской области, О. К. Диптан и токарем московского завода А. И. Сениной.

Хо Ши Мин с делегатами съезда: секретарем МГК КПСС В. И. Устиновым (слева), председателем Совета Министров РСФСР Д. С. Полянским и прядильщицей из Ашхабада Анной Гуль Чарыевой.

Тим Бак (справа) беседует с делегатами съезда.

Товарищ Чжоу Энь-лай среди делегатов XXI съезда КПСС.

Человечество отметит XXI съезд КПСС как съезд, который привел трудящихся к вратам осуществления коммунизма.

Обращая свои взоры к Советскому Союзу, как к маяку, и используя марксизм-ленинизм, как компас, трудящиеся и все прогрессивно настроенные люди обретают путь к своему полному освобождению в каждой стране.

Этот съезд представляет собой огромный практический и теоретический вклад в международное коммунистическое движение.

Коммунисты Индонезии надеются и уверены в том, что советский народ под испытанным руководством своей Коммунистической партии водрузит знамена победы на вершинах коммунизма.

Да здравствуют Коммунистическая партия Советского Союза и ее ленинский ЦК!

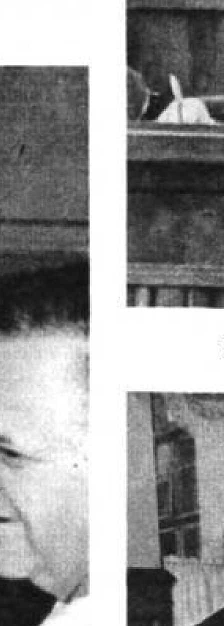
Дипа АЙДИТ,
Генеральный секретарь ЦК Компартии Индонезии.

Дипа Айдит (слева) и

ЛЕНИНСКИХ ПАРТИЙ

Жак Дюкло в зале заседаний.

XXI съезд Коммунистической партии Советского Союза с исключительной силой выражает всю творческую мощь учения марксизма-ленинизма.

Из работ этого съезда вырастает безграничная вера в гигантскую энергию советского народа, шагающего к сияющим вершинам коммунизма.

Да здравствует славная Коммунистическая партия Советского Союза!

Жак ДЮКЛО,
Секретарь ЦК Французской коммунистической партии.

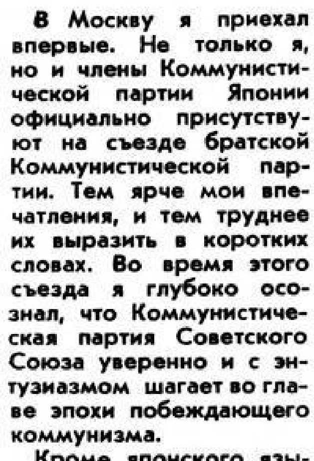
Джеймс Джексон (слева) и Генеральный секретарь ЦК Сирийской коммунистической партии Халед Багдаш.

Величественный план всестороннего материального благосостояния и духовного расцвета Человека... Могучий призыв к народам соединиться в мире и братстве... Таков он, семилетний план, возвещенный с трибуны XXI съезда товарищем Хрущевым.

Коммунистическая партия Советского Союза! Какие чудеса совершила эта партия, законный наследник мудрости Ленина и неутомимый авангард народа, идущего по ленинским путям!.. Она провела советский народ по крутым, скалистым тропам к высотам социального прогресса, и в какие короткие сроки! Теперь она, ее Центральный Комитет, возглавляемый Никитой Сергеевичем Хрущевым, прокладывают трассу, ведущую к самой вершине. Все «высоты» и «пики» капитализма останутся позади, внизу. Впереди во всем их влекущем сиянии — согретые солнцем просторы коммунизма.

Великий советский народ первым в истории раскроет человечеству эти новые горизонты прогресса и счастья. Семилетний план — порука этому.

Джеймс ДЖЕКСОН,
Секретарь Национального комитета Коммунистической партии США.

В Москву я приехал впервые. Не только я, но и члены Коммунистической партии Японии официально присутствуют на съезде братской Коммунистической партии. Тем ярче мои впечатления, и тем труднее их выразить в коротких словах. Во время этого съезда я глубоко осознал, что Коммунистическая партия Советского Союза уверенно и с энтузиазмом шагает во главе эпохи побеждающего коммунизма.

Кроме японского языка, я не знаю никакого другого, и для меня было большой радостью, когда на съезде в мои радионаушники полились слова японского перевода.

Радуюсь прочной дружбе советского народа и его партии и от души желаю им больших успехов.

Кэндзи МИЯМОТО,
Генеральный секретарь ЦК Коммунистической партии Японии.

Кэндзи Миямото.

Салям Адиль (справа) в кулуарах съезда.

С течением времени значение XXI съезда КПСС будет все больше возрастать для коммунистического и прогрессивного движения во всех странах. Это ясно показала тесная связь работы XXI съезда со всем мировым движением и борьбой против империализма и войны, за мир, национальное освобождение, демократию и социализм.

Салям АДИЛЬ,
Секретарь ЦК Коммунистической партии Ирака.

И. Копплениг (второй справа) встретился на съезде с Секретарем ЦК КП Литвы А. Ю. Снечкусом (крайний слева).

Делегация Коммунистической партии Австрии находится под глубоким впечатлением от XXI съезда Коммунистической партии Советского Союза. Грандиозный семилетний план, знаменующий вступление советского народа на путь развернутого строительства коммунизма, воодушевляет и придает новые силы трудящимся всего мира в их борьбе за мир и социализм.

Делегация Коммунистической партии Австрии желает читателям «Огонька» и всем советским людям новых больших успехов.

Иоганн КОПЛЕНИГ,
Председатель Компартии Австрии.

Василий Кочетов в шахте.

БРИГАДА КОЧЕТОВА ИДЕТ В ЗАВТРА

Фото И. ТУНКЕЛЯ.

Они движутся не по гладким наземным дорогам, а врубаясь в спрессованную твердь угля. Под землей свои, очень жесткие меры. И все же эти люди «ходят» не в два, а в десять раз быстрее обычных человеческих норм.

Все началось в 1955 году. На шахте создали скоростную проходческую бригаду. Нужно было попробовать по-новому подойти к делу, перешагнуть через привычные представления о проходке.

Сорок два человека объединились под началом Василия Кочетова. Четверо коммунистов и восемь комсомольцев образовали ударное ядро бригады.

Их не ставили в особые условия, не отводили им участка, наиболее подходящего для рекордов. Скорее, наоборот. Участок комсомольско-молодежной бригады В. Кочетова на подмосковной шахте № 66 комбината «Тулауголь» был сильно обводнен, почва глинистая, в кровле много песка, а гипсометрия, как выражаются шахтеры, очень неспокойная, возможны обвалы.

Начали с учения. Каждый из сорока двух овладел методом скоростной проходки, разработанным инженерами и лучшими комбайнерами шахты.

Разбились на три звена, чтобы работать круглосуточно. Во главе звеньев поставили машинистов комбайна. Бригаду назвали комплексной: в ней были свои электрослесари, машинисты электровозов, путевые рабочие. Весь цикл проходки она производила сама, без помощи других «служб». Даже такие работы, как вентиляция, доставка леса, откатка породы, осушение штреков, бригада взяла на себя.

В ноябре 1955 года был достигнут первый успех. Кочетовцы прошли за месяц 538 погонных метров — в три с лишним раза больше нормы. Это была первая ступень лестницы, круто уходящей вверх. Вот как шагала бригада вперед: апрель 1956 года — 722 метра, июнь того же года — 948 метров, январь 1957 года — 1 252 метра, март 1958 года — 1 354 метра, июнь — 1 447 метров.

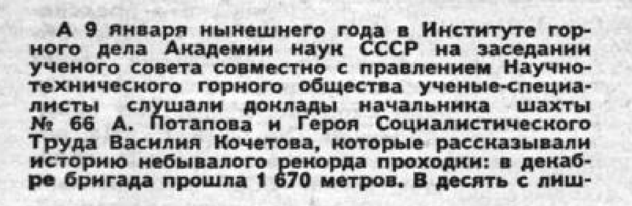
Звено Петра Лапшина. Слева направо: Г. Зиновьев, П. Лапшин, А. Капранов, В. Козлов, Н. Цедрик и Н. Аникин.

В шахтерском городе Богородицке есть вечерний горный техникум. У шахтеров из бригады В. Кочетова, которые в нем учатся, было напряженное время: шли зачеты. Зачет по горной электротехнике сдавал Петр Криволапов и его товарищи.

Василий Кочетов читает лекцию.

А 9 января нынешнего года в Институте горного дела Академии наук СССР на заседании ученого совета совместно с правлением Научно-технического горного общества ученые-специалисты слушали доклады начальника шахты № 66 А. Потапова и Героя Социалистического Труда Василия Кочетова, которые рассказывали историю небывалого рекорда проходки: в декабре бригада прошла 1 670 метров. В десять с лишним раз больше нормы! Ученые внимательно следовали за мыслью докладчиков и отчетливо улавливали главное: это был не случайный взлет, не единичная удача, а планомерный поход. Бригада Василия Кочетова, которой недавно присвоено звание бригады коммунистического труда, упорно готовила себя к делам завтрашнего дня, брала разбег перед большим семилетием. Цель указана лаконично и точно: «В угольной промышленности предусматривается довести добычу угля в 1965 году до 596—609 миллионов тонн...».

В шахтерском крае ритм жизни на земле, на ее поверхности, определяется подземной жизнью шахты. Там, глубоко в недрах, бьется могучее сердце, гонит по стальным жилам штреков непрерывный поток скрытой в угле энергии, поднимает его наверх, заставляет быстрее бежать по рельсам большие многотонные поезда.

О. ШМЕЛЕВ

ЭТО—И НАША НАДЕЖДА

Андрэ ВЮРМСЕР

«Просим написать статью семилетнем плане СССР тчк Благодарим заранее братский привет Огонек».

Не знаю, какую статью вы ожидали от меня, но зато я знаю хорошо, о чем сам, получив вашу телеграмму, тут же подумал: я вспомнил о советских учительницах, с которыми беседовал в Москве осенью 1934 года. Я изрядно надоедал тогда товарищу, который помогал мне знакомиться с Москвой. Проходили мы мимо какого-нибудь учреждения, и я говорил: «Войдем?» Он улыбался, и мы входили. Вот так зашли мы и в какую-то школу. Учительницы окружили меня. Задавали они мне вопросы довольно-таки затруднительные. Я ведь не педагог. И сами они вспоминали о не таком уже далеком прошлом, когда им приходилось за недостатком учебников самим писать на оберточной бумаге азбуку для своих маленьких учеников. Я мысленно делаю подсчет: да, это их питомцы-первоклассники запустили теперь в космос советские спутники, советскую искусственную планету.

В ту зиму одна русская женщина, переводчик бельгийского адвоката, которого десять лет спустя расстреляли нацисты, перед тем как они ушли из Льежа, говорила мне о том, как несколько лет назад усложняли жизнь такие мелочи, как невозможность купить... иголку. И в ту же зиму старый, потрепанный автомобиль доставил меня на городскую окраину, пустынную и унылую; с этой возвышенности была видна панорама всей Москвы. Уже тогда, четверть века назад, советская столица была огромной строительной площадкой, только небо Москвы еще не было, как сейчас, заполнено протянувшими свои хоботы башенными кранами. С тех пор мне не довелось бывать на Ленинских горах. Но мне, разумеется, известно, что там построили университет и вокруг — целый огромный город жилых кварталов.

Я отчетливо вспоминаю теперь основное впечатление, которое тотчас же испытал в тот приезд в Советский Союз: это страна, говорил я себе, в которой людям становится жить все лучше.

Через год я стал главным редактором «Рюсси д'ожурд'юи» («Россия сегодня») — журнала французского Общества друзей Советского Союза. Фернан Гренье (ныне один из десяти депутатов-коммунистов, представляющих в парламенте своим небольшим числом свыше четырех миллионов французов) спросил меня:

— Какую тему предлагаешь ты для твоего первого номера?

— От святой Руси до СССР, — ответил я ему.

Успехи Советского государства надо расценивать по всему историческому пути, проделанному этим государством, по его близости к той цели, к которой оно стремится, — к построению коммунистического общества.

Вы возразите мне, что я рассказываю советским читателям о вещах, которые они знают лучше меня, по крайней мере люди пожилого возраста, и что я ломлюсь в открытую дверь. Однако эта дверь не так уж широко распахнута у нас на Западе. Слишком много всяких «деятелей» заботятся о том, чтобы изумительные достижения Советского Союза не открыли всем глаза. Поставьте себя на мое место: вот уже четверть века, как я стараюсь изо всех сил разъяснить моим соотечественникам, что такое Советский Союз, помочь им понять и полюбить его. Число французов, понявших и полюбивших вашу страну, огромно. Но бывали собеседники, которые, собрав губки бантиком, отвечали мне с удивительной монотонностью: «Но не станете же вы сравнивать уровень жизни в СССР с нашим!» Как это было «умно»! Вроде того, как если бы, склонившись над колыбелью Пушкина-младенца, они стали говорить, пожимая плечами: «И вы утверждаете, что это великий поэт?» Но, конечно, прав оказался я: то, что уже очевидно в 1959 году, будет в 1965-м неоспоримым.

Неоспоримым? Впрочем, нет. Господа с губами бантиком непременно надумают что-нибудь еще. Вот уже сорок один год, как не проходит ни одного дня, чтобы какой-нибудь глупец, ренегат, «изысканный» экономист или глава правительства не принимался с серьезным видом предсказывать... крушение советского строя в будущий четверг или по меньшей мере, что все советские проекты и планы неосуществимы.

Поводы для подобных, с позволения сказать, предсказаний всегда находятся. Как только появилось сообщение о семилетнем хозяйственном плане Советского Союза, эти господа начали было тянуть ту же волынку, больше по привычке, чем по убеждению: «Цифры слишком грандиозны, чтобы их можно было осуществить. Разумеется, нельзя отрицать, что... но тем не менее...»

Особенно эти люди стараются насчет того, что в 1965 году СССР-де не догонит Соединенных Штатов. Именно это их особенно сильно задевает. Добро бы они подумали в эту минуту о Франции! Так нет же: их мысли — только о заокеанском хозяине! «СССР не догонит Америку»... В год 1934-й (О мои учительницы! О бывшая московская окраина! О милая советская женщина, искавшая иголку!) эти господа отбрасывали как «фантастическую» даже самую мысль о том, что страна Ленина может осмелиться состязаться с американским гигантом, опередившим Россию чуть ли не на два века, с этим абсолютным монархом капиталистического мира. А теперь их охватывают корчи оттого, что этот вопрос не только ставится, но что семилетний план уже дает на него ответ, и притом с твердыми сроками.

И все-таки они продолжают тупо жевать свои «пророчества», как американскую жевательную резинку. Им до смерти не хочется, чтобы осуществилось то, о чем сказал товарищ Хрущев. Он выразился достаточно ясно: после того, как столько советских планов было выполнено и перевыполнено, наши противники уже не смогут сказать, что наши цифры нереальны. А они? Они все-таки «говорят», правда, не те, кто делает погоду (те-то больше помалкивают), а журналисты, формирующие мнение рядовых людей.

Но стоит ли в 1959 году вспоминать лжепророчества 1934 года? И кто будет вспоминать в 1965 году, что эти пророки изрекали в 1959-м? Однажды я еще до войны имел спор с управляющим одним из самых крупных французских банков. Он упорно отказывался верить цифрам советских пятилеток, которые я ему приводил. Он «предвидел», что советская промышленность будет неспособна на случай войны выдержать натиск гитлеровской промышленности. Этот банкир слишком внимательно читал газеты, которые он сам финансировал. Что же скажут они в 1965 году, эти газеты?

Я не пессимист, но я предсказываю вам, что эти «органы общественного мнения» не станут писать: «Социализм доказал свое превосходство, дадим ему предпочтение!» Они скажут: «Да, конечно, прогресс в разных областях жизни СССР несомненный, но, видите ли... производство какао в этой стране остается на низком уровне». Не верите мне? Хотите пари?

Впрочем, не стоит сверх меры останавливаться на всем этом. Как это ни может показаться странным по нынешним временам, но именно американский государственный деятель имел мудрость сказать: «Можно обманывать нескольких людей всегда; можно обманывать всех некоторое время; но нельзя всегда обманывать всех».

Уже теперь многие из блудословов говорят сквозь зубы, что «невозможно не считаться» с быстрым подъемом экономики Советского Союза. Они уже спорят о том, действительно ли Советы «избрали верный путь».

Ладно. Пусть спорят. Но, господа, Советский Союз идет семимильными шагами вперед, а вы топчетесь на месте! Уже кое-кто допускает «опасность» советского примера для экономически малоразвитых стран. Нет, милые мои, не только для них! На пример Советского Союза с надеждой смотрят и народы тех стран, которые вы, господа, считаете своим неприкосновенным заповедником.

Пролетарский интернационализм — это великое братство не только в борьбе и испытаниях. Это и братство в успехах и победах. Вот почему, твердо веря в свершение великих замыслов семилетнего плана, я от всего сердца говорю словами вашей телеграммы, товарищи из «Огонька»:

«Благодарим заранее, братский привет!»

Париж.

Рисунок Ю. Ганфа.

У. Тансыкбаев. УТРО В ГОРАХ.

«Огонек».

З. М. Ковалевская. В ЛОЖЕ. Государственный музей искусств Узбекской ССР.

ЖИВОПИСЦЫ УЗБЕКИСТАНА

Сергей БОРОДИН

В течение многих веков мусульманские изуверы и схоласты объявляли грехом всякое изображение одушевленной натуры. Это запрещение еще и доныне препятствует развитию реалистической живописи в некоторых странах Востока. В области изобразительного искусства узбеки вынуждены были ограничиваться только отвлеченным орнаментом.

Перед художниками Узбекистана после революции открылся новый мир, для выражения которого предстояло искать новые изобразительные средства. Традиции не было, а та, которую можно было возродить, шла от гератских миниатюр Бехзада и Касима-Али. Это преимущественно плоскостная живопись, родственная русским иконам, но далекая от тех задач, которые возникали перед советскими художниками. Не годились и навыки приезжих живописцев, ибо они долго не могли найти средств и путей для передачи того своеобразия, какое открывалось перед ними в Средней Азии. Требовалось время, чтобы в среднеазиатских республиках наконец сложилась своя живопись, национальная по форме, социалистическая по содержанию.

Поиски своего пути продолжаются и поныне, ибо художниками еще не вполне найдено то своеобразие, которое можно было бы назвать национальным по форме и которое отличало бы этот коллектив, допустим, от коллектива художников Казахстана или Грузии.

Но за последние годы уже можно назвать много замечательных произведений различного жанра: пейзажей, портрета, быта, исторической тематики,— которые не могли возникнуть нигде, кроме Узбекистана. Они тесно связаны с окружающей действительностью, выражают любовь к ней и знание ее.

Крепкая связь художника с народом, глубокое знание жизни, активное участие в различных областях народного труда являются той животворной силой, без которой всякое мастерство мертво.

В Узбекистане радуют нас работы многих мастеров. Из года в год мы следим за неуклонным ростом Урала Тансыкбаева, пейзажиста, певца узбекистанских просторов, необозримых полей, горных кряжей. За последние годы раскрылись новые черты в живописи У. Тансыкбаева, в работах появились широта, обобщенность. Это свидетельствует не только о возросшем мастерстве, но и о зрелости художника. Если раньше он чувствовал и передавал краски земли и гор, то теперь овладел самым воздухом, и этот воздух наполнен тончайшими оттенками, насыщен влагой над «Кайрак-Кумской плотиной» или в «Горном шиповнике», сух и прозрачен, как стекло, в степных пейзажах.

Мастерство У. Тансыкбаева не умаляет и не заслоняет успеха других пейзажистов. Ярки и живописны полотна Н. Карахана, любящего цветовые контрасты, но умеющего сочетать их и подчинить единому замыслу. Своеобразно и выразительно пишет акварели К. Чепраков. Примечателен его большой цикл — «Бухара», «Роща». Строгие, хотя иногда суховатые акварели М. Шировского и «Самаркандский цикл» Г. Соколова по-своему намечают путь к новому пониманию узбекистанского пейзажа, хотя от этих двух художников ждешь большей смелости, преодоления некоторой скованности.

Еще сложнее, чем у пейзажистов, задачи, стоящие перед живописцами, работающими над жанром, над воплощением современной жизни, современных людей.

Знание быта, тонкое понимание национального характера сочетаются с широкой живописной манерой в холстах Р. Ахмедова. Сочно и горячо пишет Абдулхак Абдуллаев.

Совершенно новую сторону своего творчества на недавних выставках показал один из старейших художников республики, В. И. Уфимцев. Его хивинские пейзажи передают архитектуру и жизнь этой древней страны, но с еще большей силой раскрылось своеобразие его дарования в серии карикатур «Благородная Бухара».

Узбекской женщине посвящена большая картина Н. Есина, может быть, и не лишенная некоторой недоработанности в деталях, но по глубине замысла, по характеристике людей являющаяся значительным произведением жанровой живописи Узбекистана.

Художников в Узбекистане много. Много среди них талантливых, неустанно работающих над освоением новых тем, ищущих новых средств выражения. Постоянные поездки в Голодную степь, на целинные земли, в колхозы, на грандиозные новостройки, которыми покрыт весь Узбекистан, замечательные трудовые подвиги людей — все это воодушевляет и обогащает наших художников.

ПТИЧКА-НЕВЕЛИЧКА

Абдулла КАХХАР

Главное внимание в повести «Птичка-невеличка» автор уделяет образу узбекской женщины, выросшей в условиях советской действительности.

О чем рассказывается в этом произведении?

Председатель колхоза Арсланбек Каландаров — хороший организатор. Однако в силу некоторых обстоятельств он долгое время не подвергался критике и зазнался: себя он ставит над парторганизацией. Если секретарем ее избирается кто-либо из коммунистов колхоза, Каландаров делает все, чтобы тот вынужден был идти у него на поводу. Если секретарем становится человек со стороны, то он его выживает из колхоза. За короткий срок в колхозной парторганизации сменилось пять секретарей.

Бюро районного комитета партии рекомендует на должность секретаря парторганизации молодую коммунистку — Саиду Алиеву. Окончив десятилетку, Саида работала в комсомольской организации, затем стала помощником секретаря райкома.

Разумеется, Каландаров не встречает ее радушно. «Если будет руководить женщина, я все перепутаю»,— говорит он.

Новый секретарь в своей работе опирается на коммунистов, на общественность. Совместными усилиями они добиваются устранения недостатков. Саида не раз сталкивается с Каландаровым.

Считавший себя львом Арсланбек в конце концов «покоряется Саиде», которую сам же прозвал «птичкой-невеличкой».

Главы из повести

Рисунки Л. КОТЛЯРОВА.

Узнав о случившемся, Каландаров был вне себя. В конце концов он, пожалуй, мог бы и сам выдвинуть кандидатуру Исмаилджана, черт с ним, пусть бы был в бюро: он, Каландаров, вовсе не так злопамятен, как его считают. Его бесил не сам факт избрания Исмаилджана, а то, что он, Каландаров, внес предложение — хорошее или плохое, это другой вопрос,— и это предложение было отвергнуто! Он внес, а Саида отвергла! Весь свой гнев он теперь сосредоточил именно и персонально на Саиде, а остальные тоже хороши, уже готово, пошли у нее на поводу!

Теперь Каландаров был вполне уверен, что буквально каждый шаг Саиды — результат ее желания увеличить свой престиж за счет престижа его, Каландарова. Теперь он припомнил ей все: и то, что она пренебрегла его мнением насчет повестки собрания; и то, что, как бы подчеркивая это, она написала в объявлении слова «Отчетный доклад» не какими-нибудь, а именно красными чернилами; и то, что, когда он ушел с собрания, она вынудила его вернуться! И Зульфакарова она ударила по голове тоже не просто так, а чтобы он, Каландаров, почувствовал боль в ногах! А стоило ему уйти, как она протащила в бюро Исмаилджана! Чем больше Каландаров бесился, тем скорее каждое из этих событий вырастало в целую гору.

И месяца не прошло, как тут болтается эта девчонка, а, представьте себе, какие откалывает штуки! Спрашивается: что же будет дальше? Нет, надо привести ее в чувство, надо ей разом открыть глаза на то, кто такой Каландаров и что такое она по сравнению с ним!

Приняв такое решение, Каландаров на следующее утро вызвал Саиду в предназначавшийся для головомоек кабинет.

Когда Саида вошла, вид Каландарова не предвещал добра; чувствовалось, что он с трудом сдерживается.

Поздоровавшись, Саида, заранее решив держать себя в руках, неторопливо уселась в кресло. Чтобы выслушивать упреки и неприятности, лучше всего заранее усесться поудобнее; а неприятности будут, это уж безусловно. Сняв соломенную шляпку, Саида положила ее на краешек стола.

Однако Каландаров начал не с упреков.

— Ну-с, по какой же статье назначить вам зарплату? — спросил Каландаров тем недовольным тоном, каким спрашивают у навязавшихся на шею дармоедов: «Итак, стало быть, прикажете вас поить и кормить?» — Что, если назначить вас заведующей клубом, сойдет?

Партийная организация была мала, платный секретарь не предусмотрен, и речь шла о том, какую еще работу взвалить на Саиду, чтобы она имела источник существования. Саида уже несколько раз заговаривала об этом с Каландаровым, но он все махал рукой,—мол, успеем! А теперь, видимо, счел, что время для разговоров приспело.

— Ну, что же,— сказала Саида,— вам виднее.— И, улыбнувшись, добавила: — Но ведь клуба-то у нас с вами и нет!

— Штаты есть! — отрезал Каландаров.

— А сам-то клуб есть?

Клуб давно не работал, Каландаров прекрасно знал об этом, и поэтому пауза была достаточно длинной.

— Развели там немножко шелковичных червей,— наконец сказал он.— Но на днях соберем коконы, освободим.

— Но ведь и тогда будет не клуб, а только одно помещение,— не сдавалась Саида.— Там же ровно ничего нет, я как раз интересовалась этим.

Ему очень хотелось обрезать ее, но ситуация была неподходящей, и он только хмуро спросил:

— А чего вам надо?

— Многое надо, Арсланбек-ака. Вы не хуже меня знаете, что надо. Чтобы было такое место, куда люди могут прийти после работы, отдохнуть и повеселиться. Вот что надо! Кино надо! Занавес, чтобы можно было давать концерты, надо! Инструменты для музыкальных кружков надо! Деньги, чтобы приглашать лекторов, надо! Если поможете сделать из клуба действительно клуб, то назначайте меня заведующей, я согласна!

Слово «поможете» особенно разозлило Каландарова, и он проговорил, не скрывая насмешки:

— Вы и так умная девушка. Проживете и без моей помощи, она вам не больно-то нужна!

«Да, здорово разобиделся за вчерашнее»,—

подумала Саида, но, сделав вид, что пропустила насмешку Каландарова мимо ушей, смиренно сказала, что если он на первых порах поможет ей, то потом она постарается не досаждать ему просьбами. Но Каландарова нельзя уже было утихомирить никаким смирением.

— Вы же приехали к нам не помощи просить, а руководить нами! — язвил он.— Вы же наш руководитель! Мы же, куда ни ступи, должны делать все под вашим руководством!

Он был до такой степени зол, что Саида даже подумала, уж не появилась ли у него какая-нибудь новая причина для раздражения, помимо результатов вчерашнего собрания. «Интересно, как бы он разговаривал со мной, будь я мужчина! — подумала она.— Может быть, тогда все-таки попробовал бы найти со мной общий язык?»

Эта мысль очень разозлила ее, и она, удержавшись от резкого ответа, не удержалась от иронии.

— Ну что вы, Арсланбек-ака! — сказала она, улыбаясь.— Как я могу вами руководить? Ведь если женщина начнет вами руководить, или ей, или вам головы не сносить!

Хотя шутка была, пожалуй, опасной, но Саида не ожидала от нее таких последствий.

Каландаров пришел в самую настоящую ярость! Фраза, сказанная им жене в присутствии Саиды, дома, тут, в стенах правления, вдруг прозвучала совершенно иначе: нелепо и рискованно. И то, что эта фраза была повторена здесь, на работе, секретарем партийной организации и притом именно женщиной, еще больше подчеркивало неуместность его собственного изречения. Он вызвал Саиду, чтобы приструнить ее, но, кажется, получилось наоборот!

И он ответил Саиде так, как привык отвечать всегда, когда не находил настоящего ответа,— грубостью.

— Вы мне не смейте тащить сюда, на работу, разные уличные шутки! — заорал он на нее, грохнув кулаком по столу.

Саида вздрогнула от неожиданности и невольно ответила ему совсем не тем, чем нужно было ответить.

— Да что я такого сделала? — почти робко сказала она.

Эта минутная робость только еще больше распалила Каландарова. Эта девчонка робеет от крика? Ну, что же, покричим на нее еще!

— Вы что, думаете, я уже не имею права пошутить в собственном доме, с собственной женой,— этого еще не хватало! Уж не собираетесь ли вы заставить меня плясать под вашу глиняную дудку! Так у вас нос не дорос! Люди побольше вас воображали, что заставят меня плясать под их музыку, да не вышло! И не выйдет!

Саида понимала, что Каландаров так рассвирепел не только от ее шутки: шутка была всего-навсего щепкой, подброшенной в огонь.

Но что же с такой силой полыхало в нем сейчас? Все та же вчерашняя обида? Или под этой обидой свирепым пламенем разгоралось самолюбие и тщеславие человека, вообще давно отвыкшего считаться с кем бы то ни было?

«Но нет, считаться вам придется,— вдруг жестко подумала Саида. — И на первый случай выборы уже состоялись, и результаты их не переменишь, хоть криком кричите! Да и что, собственно, он на меня кричит? — подумала она.— И именно это я хотела сказать ему...»

Но он уже снова завопил, не дав ей рта раскрыть:

— Глупым ребенком не будьте! Научитесь понимать, что вы можете и чего нет. Вы себе в голову вбили, что я захудалая кляча, годная только в пристяжные? Смотрите, не ошибитесь! Я еще такой скакун, что не всякий на мне удержится, а кое-кого могу и раздавить! Да, да, зарубите себе это на носу!

Согласитесь, что если даже на тебя кричат и ты очень рассержена, все-таки невозможно не улыбнуться, когда немолодой, красный от злости мужчина вдруг сам называет себя скакуном. Не улыбнуться было невозможно, и Саида улыбнулась.

— Арсланбек-ака,— сказала она, неожиданно для себя успокаиваясь от звука своего собственного тихого и насмешливого голоса, — ведь скакуны бог весть куда уносят седока только при виде плетки. А вы унеслись так далеко... Простите меня, но, собственно, что случилось, в чем все-таки дело?

Где-то в глубине души Каландаров даже оценил ее насмешливый ответ и чуть сам не усмехнулся, но он еще не выпалил всего, что собирался, и поэтому не желал утихомириваться.

— Это я вынес на своих плечах колхоз! — кричал он, понемногу, однако, переходя все-таки с крика просто на громкий голос.— И не вам, а мне знать, в чем наша радость и в чем наше горе! Не мальчишки и не девчонки, а ученые, да, да, с бородами... из разных академий... приезжают и сначала идут ко мне, а потом уже смотрят хозяйство! Я книгу о колхозе написал!

Он с такой силой рванул ящик стола, что чуть не прищемил себе живот, и швырнул под нос Саиде довольно толстую брошюру «Путь колхоза «Бустон». Саида вдоль и поперек изучила эту брошюру еще до приезда в колхоз, но сейчас из врожденной вежливости перелистала ее.

— Я не сомневаюсь в том, что вы большой человек,— спокойно сказала она.

— А раз так, зачем артачитесь, не слушаете старших?

— А что я, собственно, сделала?

— Почему Умаров не прошел в бюро? — Каландаров снова повысил голос.

— А почему он должен был пройти? — все так же спокойно парировала она.

Каландаров многозначительно нахмурился.

— Потому что когда я что-нибудь делаю, то делаю это обдуманно.

— Ну что же,— ответила Саида, стараясь быть равнодушной.— Значит, вам нужно было досидеть на собрании до конца и объяснить коммунистам, почему именно кандидатура Умарова является такой обдуманной.

Ее спокойный тон мешал Каландарову держаться на высоких нотах.

— Да, я обдумал кандидатуру Умарова,— сказал он уже без прежнего запала.— А вот обдумали ли вы сами кандидатуру Исмаилджана Нурматова, в этом я не уверен. Вы что, хорошо знаете его?

— Пока еще нет,— сказала Саида,— но остальные коммунисты — да. Они знают его хорошо. И потом, сами подумайте, Арсланбек-ака, что лучше: если бы членом бюро был завгар, половину времени проводящий в поездках и очень мало имеющий общего с нашим главным делом — с хлопком, или если членом бюро будет бригадир, всю жизнь выращивающий хлопок и, как говорят люди, один из лучших знатоков нашего колхозного хозяйства? Ну скажите сами, что лучше? Кто из них как член бюро больше поможет вам как председателю? И,— еще спокойнее добавила она,— ведь нельзя считать так уж хорошо продуманным, когда в одно бюро выдвигают одновременно и мужа и жену. Согласитесь сами!

— Вы не учите меня, не учите! Одного прошу: не учите! — снова раскричался было Каландаров; выпрямившись, он захлопнул животом ящик стола, встал, но, с минуту постояв, снова опустился на стул.

У Саиды сдвинулись брови, голос ее по-прежнему оставался мягким, но в нем появились новые нотки.

— Я никогда не думала учить вас хотя бы потому, что вы мне в отцы годитесь, но если, по-моему, что-то неверно, я должна же сказать вам об этом! По-моему, партийное собрание приняло правильное решение. Против Исмаилджана был всего один голос, если не считать того, что вы отсутствовали...

— Еще бы, зачем же считать меня, если есть вы! Там, где присутствуют такие руководители, как вы, таких, как я, можно смело сбросить со счетов!

У него был сейчас такой обиженный вид, что Саида невольно заговорила с ним почти как с ребенком:

— Арсланбек-ака, подумайте сами, ну зачем такие слова!

Но Каландаров уже снова взвился до небес:

— Еще бы, это же вы вынесли колхоз на своих плечах! Это у вас на все сразу готов ответ: что хорошо, что плохо! Это вы на одном мизинце можете без труда поднять хоть десять таких колхозов, как наш «Бустон»! Знаете, есть такая птичка-синичка на тонких ножках. Так вот старики говорят, что эта птичка-невеличка спит по ночам, подняв кверху свои ножки, и думает, что небо удержит, если оно на землю упадет!

Отвечать сейчас Каландарову было бесполезно: он желал слушать только собственный голос,— однако молчание было бы знаком согласия.

Саида несколько секунд смотрела на него и, усмехнувшись, сказала:

— На свете много разных птиц, Арсланбек-ака. Ведь и петух думает, что если он не прокричит, так и рассвет не наступит!

После крика и в особенности, как ему казалось, беспощадной издевки Каландаров

считал, что Саиде оставалось только удариться в слезы. Ее ответный удар был так внезапен, что он вздрогнул и, потеряв остатки самообладания, даже не крикнул, а взвизгнул:

— Вон отсюда! — Руки его шарили по столу, кажется, ища, чем бы стукнуть ее по голове. К счастью, первым, что ему попалось под руку, была смирно лежавшая на краешке стола соломенная шляпка Саиды. Схватив ее обеими руками, он стал ее рвать на кусочки, как письмо, и, с некоторой натугой изорвав всю до конца и собрав клочки в горсть, кажется, намеревался швырнуть их в лицо Саиды.

Но Саида неподвижно сидела, глядя на него в упор, не моргая и не отводя глаз, и именно поэтому он, не посмев сделать того, что ему хотелось, швырнул обрывки на пол и выскочил из кабинета.

Еще долго, не находя в себе силы сдвинуться с места, сидела пораженная Саида. Наконец она встала, не спеша подняла с полу все до одного обрывка своей шляпы, открыла ящик каландаровского стола, сложила их туда, снова закрыла стол и медленным, усталым шагом вышла в приемную.

В приемной сидела Умида, улыбающаяся, увлеченная рассматриванием только что пришедшего свежего номера «Муштума».

— Ты что там делала? — спросила она, увидев Саиду.

— Да, в общем, ничего,— сказала Саида.— Ты давно здесь?

— Нет, минут пять. Как раз шла и встретила Каландарова, он куда-то спешил, летел, как пуля! Я даже и не думала, что ты здесь, в кабинете.

— Ничего особенного,— повторила Саида, довольная тем, что, оказывается, никто не слышал воплей Каландарова.— Ничего,— еще раз повторила она и почувствовала страшную усталость во всем теле.

Саида прошла в сад. Под карагачем никого не было, но красный чайник и опрокинутая вверх дном пиала говорили, что председатель неподалеку. Саиде меньше всего хотелось встретиться с ним; медленно, как больная, она прошла через тенистый коридор поднимавшегося по проволочным аркам винограда и, чувствуя, как слезы подступают к горлу, оглянувшись, не видит ли кто-нибудь ее, побежала домой через пустынный в этот час старый вишневый сад. Она уже добежала до своей комнатки, вставила ключ в замок, как вдруг остановилась, словно кто-то преградил ей путь.

— Да что же я делаю? — спросила она себя.— Зачем я пришла? Чтобы упасть на кровать и разреветься? Но какую печаль я хочу выплакать, чью бессердечную душу я хочу смягчить слезами? И вообще, почему я хочу реветь? Если Каландаров дал мне щелчка, то от меня он получит затрещину; если он, вместо того чтобы расправиться со мной, расправился с моей шляпкой, разве это он проявил силу, а я слабость?

Она даже улыбнулась при такой мысли и, шмыгнув носом, смахнула с ресниц слезинки — первые и последние. Самолюбие было отнюдь не последним чувством в характере Саиды, и сейчас, ощутив прилив его, она вдруг перестала чувствовать себя усталой.

Нет, она не поддалась и не поддастся и ни в коем случае не будет, как дура, лежать и реветь в подушку, наоборот, она пойдет сейчас же назад, и немедленно встретится с председателем, и совершенно прямо, как он того и заслуживает, назовет его поступки отсталыми! О, Саида сумеет дать ему понять, что она вовсе не из тех слабых и беззащитных женщин, какую он, очевидно, надеялся увидеть в ее лице! Саида решительно повернула обратно и нарочно пошла мимо карагача. Но председателя там не было, а председательский чайник и пиала исчезли.

Зайдя в правление, Саида узнала новость: только что пришла телеграмма: Каландаров утвержден руководителем взаимопроверочной бригады, выезжающей сегодня в соседнюю область.

Саида была в том настроении, когда трудно заставить себя быть вполне справедливой.

«Ну, конечно,— подумала она,— не нашли ничего лучшего, чем послать человека, который и в милиции побывал, и женские шляпки рвет, и вообще безобразничает, как ему вздумается!»

Однако не будем осуждать Саиду за то, что она сейчас была готова забыть, что Каландаров умеет не только рвать женские шляпки и наезжать на милиционеров. По правде говоря, она сегодня здорово натерпелась от Каландарова и была теперь вправе наедине с собой проявить к нему некоторую несправедливость.

Сердито пройдя в свой кабинет, она впервые со дня приезда села на секретарское место.

Чуть-чуть поостыв, она подумала, что, наверное, все же Каландарову станет неловко за свой поступок и он, хотя бы под предлогом прощания, зайдет к ней, чтобы как-нибудь загладить происшедшее.

Сначала подумав так, а потом решив, что так оно и будет, Саида заранее обсудила сама с собой тот миролюбивый, но достойный ответ, который она даст Каландарову. Итак, все было готово к его приходу; дело оставалось только за ним, но он не шел и не шел...

Лишь через два часа от случайно заглянувшей к ней Умиды Саида узнала, что Каландаров уже давно, вовсе и не подумав прощаться с ней, уехал в райцентр, а оттуда в область.

«Неужели он не понимает,— с новым приливом горькой обиды подумала она,— что за поступки, которые он совершил сегодня, надо просить у людей прощения? Даже пусть бы он и не попросил прощения,— подумала она, по правде говоря, не очень-то представляя себе Каландарова, просящим прощения.— Но пусть бы я поняла, что он хоть чувствует себя виноватым...»

— Нет, бесполезно что-нибудь говорить такому человеку! — вслух сказала она, сидя в пустом кабинете и сердито стуча по столу своим маленьким кулаком.— Надо ехать в райком и все, все рассказать товарищу Насырову. И если даже Каландарову ничего не будет за это, пусть все-таки знают, в каких условиях мне здесь приходится работать!

Саида решила было тут же написать в бюро райкома письмо про все безобразия Каландарова, но так расстроилась, перебирая их в памяти, что отложила писание письма на вечер, а сейчас торопливо на клочке бумаги записала только план его: «Милиция! Дисциплина на собрании! Отношение к женщинам! Руководство и потеря головы! Шляпа!»

После каждого пункта она поставила восклицательный знак, а слова «дисциплина» и «шляпа» жирно подчеркнула.

Вечером только-только Саида засела за письмо, как в окно ее комнатки просунулась голова Умиды, сказавшей, что приехал товарищ Насыров.

Саида очень обрадовалась: как ни пиши о Каландарове, разве передашь в письме все самые тонкие и важные обстоятельства дела!

Наспех сунув исписанные листки под подушку, Саида бегом побежала в правление.

Под карагачем была целая толпа народа: тут и обычно-то собиралось по вечерам много людей поговорить о том, о сем, а сейчас, услышав о приезде секретаря райкома, многие пришли еще и специально.

Издали увидев Саиду, Насыров поднялся с помоста, прошел несколько шагов ей навстречу и, пожалуй, даже с чуть-чуть подчеркнутой уважительностью поздоровался с ней.

Любой, кто мог наблюдать, как Насыров говорил сейчас с Саидой и как он, в свою очередь, слушал ее, невольно должен был бы прийти к выводу: «Эге, кажется, мал золотник, да дорог, смотрите, как с ней разговаривает секретарь райкома!»

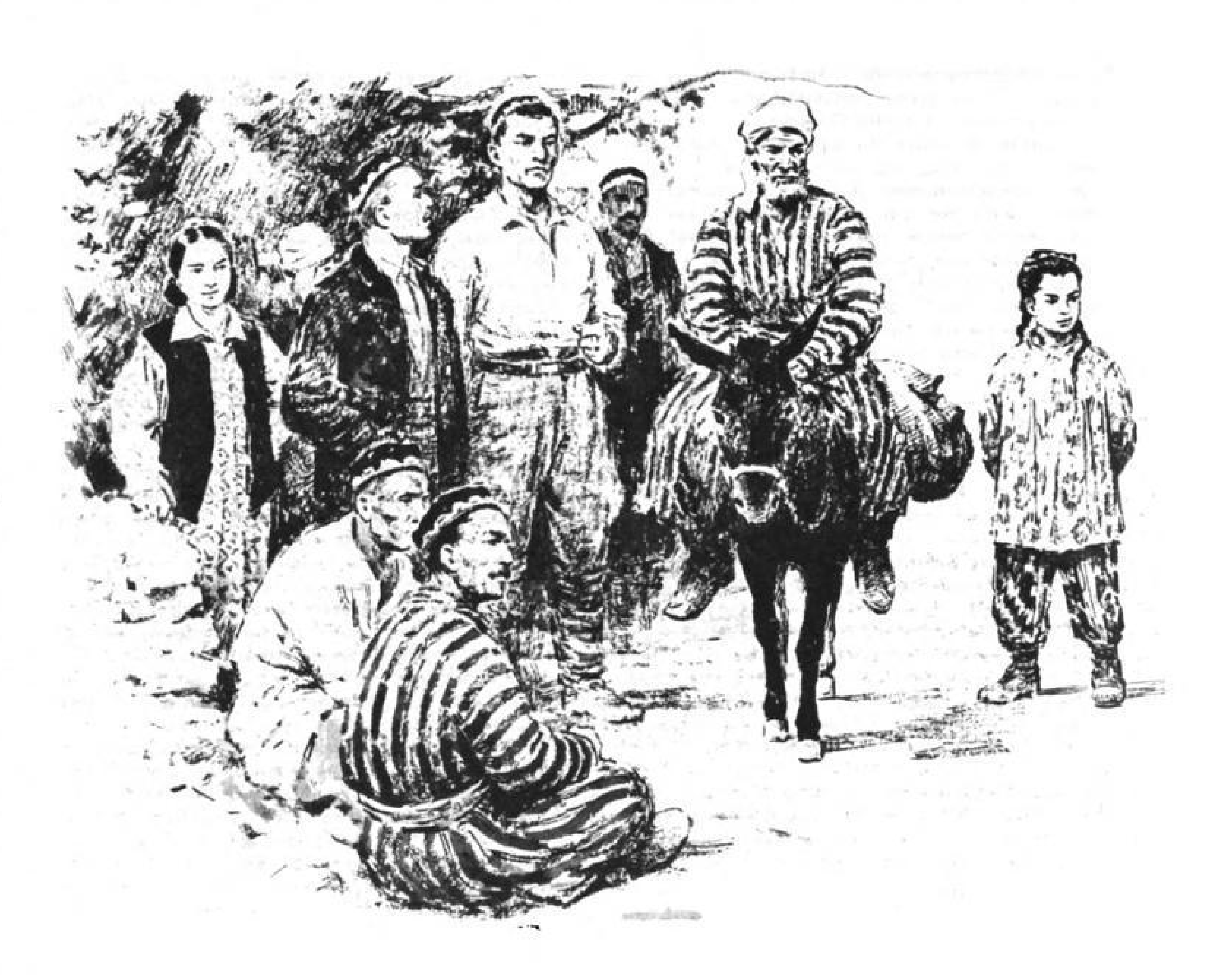
И хотя Саида в душе чувствовала некоторую неловкость от подчеркнутого внимания, которое ей оказывал сейчас Насыров, она старалась не обнаружить этого.

Однако, когда Саида, решив изложить все свои обиды на Каландарова, пригласила секретаря райкома зайти к ней в кабинет, Насыров сказал, что он очень спешит и завернул сюда только на минуту, по дороге в колхоз «Ватан».

Это было не совсем верно; он действительно ехал в «Ватан», но вовсе не так уж спешил и первоначально как раз имел намерение, заехав сюда, не только поддержать авторитет Саиды, но и часок поговорить с ней.

Однако, увидев припухшие глаза Саиды и ее подрагивающие губы, он передумал. Несомненно, она чем-то расстроена, собралась жаловаться и готова расплакаться. Несомненно также, что для ее расстройства есть свои более или менее уважительные причины и главная из них, наверное, Каландаров. Однако начать тут же выслушивать ее сдобренные слезами жалобы и поневоле успокаивать ее — это, по мнению Насырова, значило вовсе не к месту показывать свое расположение к молодому работнику, открывая ей в дальнейшем дорогу к нытью и жалобам.

Насыров уехал, сказав, что, когда у Саиды

выберется время, она может застать его в райкоме, а расстроенная Саида полночи писала свое письмо, то злясь, то плача и поэтому добрую половину его страниц закапав слезами.

Свободное время у нее, разумеется, выбралось на следующее же утро, но когда она переступила порог райкома, лежавшее в ее кармане и написанное с такими муками письмо показалось ей слишком длинным и малодушным, и она решила, не показывая его, просто рассказать все и сделать это покороче, опустив лишние мелочи.

А когда она уже переступила порог секретарского кабинета, ей вдруг стало не по себе: еще месяца нет, как она сидела вот тут, в соседней комнате, еще так недавно, уезжая отсюда, она обещала сделать все, что в ее силах, и нате, здравствуйте: вернулась сюда жалобщицей!

Она вошла в кабинет, растерявшись, еще не зная, что будет говорить и что оставит при себе. А когда Насыров, посадив ее напротив себя на диван, сказал: «Я вас слушаю»,— Саида вдруг и вовсе не нашлась, что ответить.

В замешательстве она начала с того, что высказала несколько соображений о формах политучебы в колхозе — этот вопрос, и правда, занимал ее в последние дни, хотя для него и не нашлось места в письме.

Выслушав ее, Насыров немножко поговорил о работе как раз таких политкружков, которые она хотела организовать, сделав вид, что он именно думал, что Саида приехала к нему говорить о кружках.

На самом деле Насыров, разумеется, понимал, что Саиду привел сюда не только этот вопрос. Да и ничего удивительного: наверно, она здорово успела натерпеться за этот месяц от Каландарова!

Сейчас Насыров уже не опасался такого разговора. Он был почти уверен, что теперь Саида обойдется без слез и более здраво, чем вчера, посмотрит на дело. Не желая вынуждать девушку заговаривать об этом первой, он сам направил разговор.

— Кстати, о политучебе,—начал он.— Предвижу, что привлечь к ней Каландарова вам будет довольно трудно. Рассказывают, что, когда ему советуют хоть слегка подучиться, он гордо отвечает, что это — его личное дело. Вот бессовестный, а! — вдруг рассмеялся Насыров.

— Это верно, а кто вам рассказал? — спросила Саида и, покачав головой, тяжело вздохнула: — Вообще тяжело, очень тяжелые условия!

У нее покраснели веки, и Насыров сразу заметил это. Вчерашнее возвращалось, и его надо было предотвратить. Прекрасно зная, что Саида имела в виду Каландарова, Насыров, однако, сделал вид, что не понял ее.

— Вот как, тяжелые условия? — переспросил он.— В чем же они прежде всего заключаются: земля, люди, профиль хозяйства? Вы не напомните мне, сколько у вас там гектаров под какими культурами и как на них раскладывается рабочая сила?

Саида смешалась. Не понял ее Насыров или только сделал вид, что не понял, но отвечать-то было надо! А как раз это ей было трудно сделать. Те непрочные знания, что она получила в первые дни в бухгалтерии, те немногие разговоры, которые она вела, собственно, о хозяйстве колхоза, да и то больше в первые дни, чем в последние, спутались у нее сейчас в голове, и даже цифры, которые она, кажется, помнила, вдруг, как чертики, поскакали в разные стороны. Однако на память нечего было обижаться, у хорошей памяти должны быть корни, а их пока не было. Саида еще плохо знала хозяйство колхоза, еще мало интересовалась им, и единственное хорошее во всем этом было то, что она сейчас честно об этом подумала.

А пока она думала, Насыров все сидел и терпеливо, даже слишком терпеливо ждал ответа.

Прошло, наверное, с минуту, она подняла глаза и встретила его взгляд, говоривший: «Если ты сейчас, через месяц, все еще не знаешь таких азов, с чего ты там начала свою работу?»

И хотя Саида еще недавно собиралась изливать в этой комнате свои обиды на Каландарова по крайней мере в течение часа, никак не меньше, сейчас, под взглядом Насырова, у нее это желание начало исчезать.

А Насыров между тем продолжал расспрашивать ее о соблюдении севооборота, об опасности засоления земель, о соотношении колхозных доходов, основных и побочных. И она хотя и пыталась говорить в ответ что-то близкое к истине, но сама прекрасно понимала, что это не ее собственные знания, а только жалкие обрывки мельком услышанных чужих слов.

Наконец, уже вовсе сама не желая говорить сейчас о Каландарове, а просто судорожно ища выход из неловкого положения, она вдруг выпалила:

— Я пришла потому, что хотела поговорить о председателе, о Каландарове!

Насыров был совсем не прочь услышать мнение Саиды о Каландарове и выяснить причины ее вчерашнего подавленного состояния. Однако ему хотелось, чтобы ее жалобы не остались в кругу сетований на тяжелый характер председателя и на трудно сложившиеся личные отношения. Он хотел, чтобы речь пошла прежде всего о деле и чтобы жалобы тоже в конечном итоге послужили делу. Поэтому он, приготовясь слушать, бросил, однако, предостерегающую реплику:

— Условия, в том числе и тяжелые, создаются не одним председателем! — И, сказав так, вдруг спросил Саиду, читала ли она один новый роман, некоторые страницы которого, как он полагает, подтверждают его мысль.

Романа Саида не читала, а прохладное отношение Насырова к тому, что она собиралась рассказывать о Каландарове, очень раздосадовало ее.

— Конечно, не один председатель создает условия,— сказала она,— но его отрицательное влияние при создании этих условий может быть очень большим!

— Что верно, то верно,— сказал Насыров,— тут я с вами согласен. Но если говорить о влиянии, ваша чаша весов всегда перетянет, если председатель, в данном случае Каландаров, со своим отрицательным влиянием останется в одиночестве, а вы со своим положительным влиянием обопретесь на окружающих вас людей, на колхозных коммунистов, да и на нас — на райком. Мне лично думается, что Каландаров — большая сила, он, как полая вода, может и своротить мельницу, может и завертеть ее. В людском характере много сторон; мой совет: изучите в Каландарове хотя бы эти две, но зато как следует! Что мы знаем о Каландарове? Знаем, что он прекрасный организатор? Но ведь эти слова — целая книга, ее надо прочесть от доски до доски! У семи нянек дитя без глаза, говорим мы. Надо разобраться, и почему няньки стали привыкать к тому, что дитя без глаза, и почему дитя, усатое в данном случае, само стало стремиться к тому, чтобы за ним этого глаза было поменьше? А не разберемся во всем этом, положение не изменим! И не кто-нибудь другой, а вы и мы должны показать ему ясно черное и белое, показать, что благодаря ему выросло и расцвело в колхозе и что благодаря ему же засохло, осыпалось. А если у человека, даже ценного, глаза так заплыли жиром, что он даже на самого себя посмотреть не может, то такие глаза при всем народе прочищают! Мы ведь не следователи, мы партийные работники.

После этих слов желание жаловаться на Каландарова окончательно увяло у Саиды. В самом деле, она пришла сюда, готовая очень много наговорить кругом да около, а подумать о том, самом главном, что, наверное, каждый день с треском сталкивается в самом Каландарове, делая его таким, каким он есть, подумать об этом она по-настоящему не успела! А прежде чем говорить, надо было много думать и много знать, и во всем том, что только что сказал ей Насыров, содержался прежде всего именно этот укор.

В конце концов теперь уже больше в порядке информации, чем жалобы, Саида рассказала Насырову о некоторых бросившихся ей за этот месяц в глаза иногда грубых, иногда смешных проделках Каландарова. Она и рассказывала о них сейчас так, как они этого заслуживали: то с горечью, то со смехом. Насыров тоже иногда посмеивался, а услышав про шляпу, захохотал.

— Ого! — сказал он.— Я вижу сдвиги в работе, и то, что вы мне рассказали,— все это отнюдь не в порядке жалобы, это тоже своего рода сдвиг в работе!

— Ну, а если бы я пожаловалась вам, Тахирджан-ака? Ведь жалобы бывают разные...

— Разумеется,— сказал Насыров.— И все же всякая жалоба несет в себе долю слабости. Когда я в детстве учился в интернате, меня здорово отлупил один ловкий малый из соседнего детдома, я опоздал к обеду, все ребята уже сидели за столами, а воспитатель стоял у дверей. Еще не утерев слез, я бросился к нему жаловаться: такой-то из такого-то детдома только что избил меня! Тогда воспитатель отвел меня на мое место за столом, велел встать на табуретку и стоять, подняв руки.

«Подними, подними! — сказал он.— Тот, у кого руки не умеют драться, должен по крайней мере хоть хорошо уметь поднимать их вверх!»

Так я и простоял с поднятыми вверх руками и опущенной головой, пока все девяносто моих товарищей не покончили с обедом. С тех пор я ни разу никому ни на кого не жаловался. На рабфаке учился, университет кончал, в армии шесть лет служил — ни разу не жаловался!

И хотя Насыров обошелся без того, чтобы закончить свои воспоминания прямым нравоучением, Саида была рада, что ее письмо так и осталось у нее в кармане.

Недалеко от райкома, на мосту через магистральный канал, Саида остановилась, вынула письмо и, не перечитывая, изорвала его на мелкие клочки, еще более мелкие, чем те, в которые Каландаров превратил ее шляпку. Клочки, потрепыхавшись на ветру, один за другим легли на воду и поплыли далеко, далеко, в казахские степи...

Авторизованный перевод с узбекского Константина **СИМОНОВА.**

ВЕНА ЖДЕТ ГОСТЕЙ

↑Вид на Вену из дворца Бельведер.

Скалы в Венском лесу.

Курт ЗЕЛИГЕР

В этом году Вена станет городом молодежи. Сейчас в австрийской столице еще холодно и пасмурно. Но когда сюда, на фестиваль юности, съедутся тысячи юношей и девушек со всех континентов земли, наша столица будет летней и праздничной. Горы, окружающие Вену, зазеленеют, и всюду — на Пратере, в Шенбрунне, в прославленных живописных Гринцинге и Зиверинге, в рабочих районах Флоридсдорфе, Оттакринге и Фаворитене — будет чувствоваться, что Вена ждет друзей.

У каждого города имеются свои особенности, нечто, свойственное ему одному, делающее его известным далеко за пределами страны. В свое время Вена отождествлялась с вальсом Иоганна Штрауса «Голубой Дунай». Но если кто-нибудь из юношей и девушек, которые будут гостями Вены, надеется увидеть действительно «голубые» волны Дуная, его ждет разочарование. Быть может, в те времена, когда король вальса создавал свои мелодии, Дунай был действительно голубым. Но и река и сама Вена изменились с тех пор. Став одним из важнейших промышленных центров страны, столица обрела иной облик, а воды Дуная — иной цвет.

Но сохранилось у этого города много приятных имен: «Вена — город песни», «Вена — город уюта»... С Веной теснейшим образом связаны имена знаменитых людей: Бетховена, Моцарта, Шуберта, Гайдна, Глюка, династии Штраусов, Ланнера. Здесь были созданы музыкальные произведения неумирающей ценности, традиции которых живы и сейчас. И если Бетховен в своей Девятой симфонии использовал стихи Шиллера, чтобы с большей ясностью выразить свою любовь к свободе, свой гуманизм, то и предстоящий фестиваль молодежи будет проникнут тем же духом: «Все люди станут братьями...»

Но славу Вены создавали не только знаменитости, а и сотни тысяч простых людей, которые трудятся здесь изо дня в день.

В те времена, когда Дунай был голубым, когда сточные воды промышленных предприятий еще не окрасили его в серо-грязный цвет, он вовсе не протекал через Вену, так как сто лет назад тогдашняя столица габсбургской монархии занимала площадь, равную нынешним центральным районам Вены. Рабочий класс был в ту пору еще молод и неопытен. Но уже тогда ощущалось, что он являет собой значительную силу, которая сказалась в революционных событиях 1848 года. В том же году приехал в Вену молодой человек, мало еще кому известный тогда в Австрии. Но именно он предсказал неотвратимость революции. Этим человеком был Карл Маркс.

Несмотря на то, что в 1848 году народ потерпел поражение, поступательный ход истории было невозможно задержать. Крепостное право было отменено, промышленность непрерывно развивалась. Рабочее движение окрепло в упорных боях за демократические свободы и права. Важными вехами в истории австрийского рабочего движения была борьба за всеобщее избирательное право, против войны. Эта борьба достигла наибольшего подъема во время революции 1918 года, низвергнувшей ненавистную габсбургскую монархию. Закономерным продолжением битвы за свободу были кровопролитные бои против фашизма, февральское восстание рабочих в 1934 году. Дальнейшие события известны: фашистская диктатура, аннексия Австрии гитлеровской Германией, война и освобождение страны победоносными войсками Советской Армии.

Почему я заговорил об этом сейчас? Ответ прост. «Вена — уютный город», это считается общеизвестной истиной. И это верно. Тихие улочки в центральной части города, мягкие очертания холмов и благоухающие долины, многочисленные памятники, общительные люди — все как бы говорит в пользу этого установившегося представления о Вене. Тот, кто хотя бы раз побывал здесь, несомненно, скажет: «Действительно, Вена—красивый, чарующий и прежде всего приветливый город!»

Молодежь, которая этим летом приедет в Вену, будет с благоговением стоять у могил Бетховена, Моцарта и Шуберта и созерцать великолепные архитектурные памятники барокко. Она будет знакомиться в музеях Вены с произведениями великих мастеров живописи.

Но это только одна сторона жизни города. Есть и другая — суровая и вовсе не такая уж приветливая.

Может быть, некоторые участники захотят совершить поездку в Хейлигенштадт,— пусть они тогда осмотрят Карл-Маркс-хоф и запомнят, что его стены двадцать пять лет назад были изрешечены пулями фашистов...

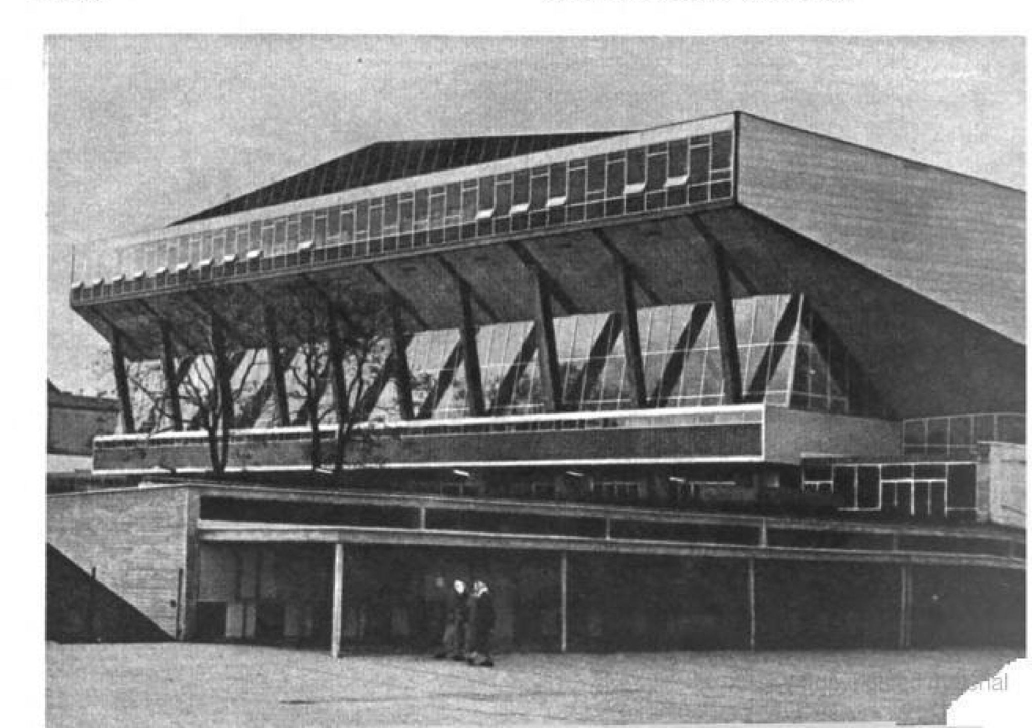
Таковы две стороны облика большого города, что стоит на Дунае. Надо знать и ту и другую. Город от этого не станет менее привлекательным, менее достойным того, чтобы его полюбить.

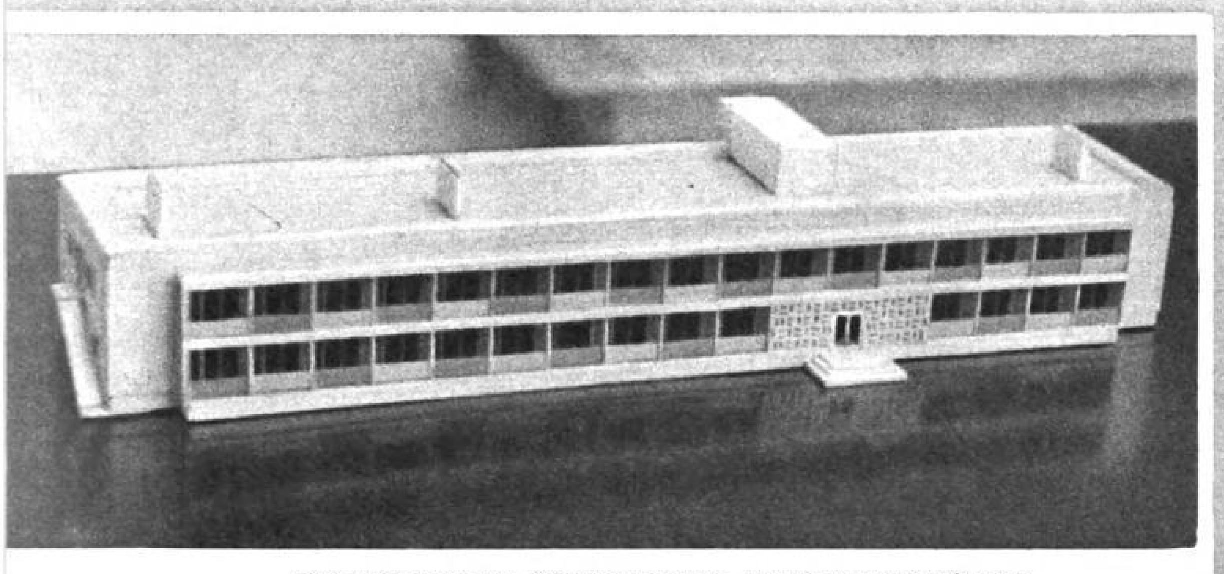
Вена теперь готовится к приему гостей. Приготовления уже идут полным ходом. Венцы хотят должным образом встретить представителей миллионов юношей и девушек всего мира.

Скоро на улицах Вены зашумит фестиваль молодости!

г. Вена.

Вновь построенный спортивный зал, подготовляемый к приему гостей фестиваля молодежи.

Таким будет здание облегченного типа для пансионата в Адлере.

И БОЛЬНЫМ И ЗДОРОВЫМ

Уважаемая редакция!

На днях в нарядной нашей шахты появилось объявление о том, что в шахткоме имеются санаторные путевки на первый квартал года в Одессу, Цхалтубо, Сочи, Ялту, Ессентуки, Кисловодск, Святогорск и на другие курорты. Шахтеры и прежде получали путевки в санатории и дома отдыха. Я и сам только что вернулся из Сочи. Лечился там в санатории «Радуга». Лечили меня внимательно, хорошо. Я принимал мацестинские и радономорские ванны. Подлечился основательно и снова работаю в забое.

Однако в санатории мне приходилось встречать и таких людей, которые, как они сами признавались, не нуждаются ни в каком лечении, а на курорт приехали «отдохнуть», «погулять». А в это же время многие рабочие и служащие, действительно нуждающиеся в курортном лечении, не могли получить путевки в санаторий. По-моему, это неправильно.

Хотелось бы знать, как будут развиваться курорты в ближайшие годы. Как будут строиться санатории? Как будут распределяться путевки?

С. ДОПЛАТЮК,
забойщик шахты «Центрально-заводская», г. Сталино.

Редакция познакомила с письмом тов. Доплатюка секретаря Сочинского горкома КПСС тов. С. Г. ПЛЕТНЕВА. Вот что он рассказал в беседе с нашим корреспондентом.

Интервью «Огонька».

Донецкому шахтеру можно было бы ответить так: в последнее время число отдыхающих в Сочи ежегодно увеличивается на сто тысяч человек. Минувший летний сезон был вообще выдающимся. В разгар сезона шестьдесят два полнехоньких пассажирских поезда ежедневно подходило к перрону сочинского вокзала. В Адлере приземлялось девяносто пассажирских самолетов. Два теплохода-гиганта причаливали к пирсам морского порта. Уже подсчитано: за год в Сочи отдохнуло полмиллиона советских граждан и двадцать четыре тысячи зарубежных гостей из пятидесяти шести стран.

Цифры, что и говорить, радостные, но если смотреть на дело так, как нас учит партия, то есть вперед, а не назад, то надо сказать: наши курорты поставлены пока еще далеко не идеально.

Нет, дело, разумеется, не в недостатке средств,— их правительство выделяет достаточно. В Сочи-Мацестинский курорт, например, за предвоенное семилетие было вложено семьсот миллионов рублей, а после войны — значительно больше. Беда в другом: не очень-то рационально, а порой, надо честно сказать, расточительно расходовали мы народные деньги. Роскошные, нарядные дворцы-санатории, которыми архитекторы украсили наш курорт, стоят непомерно дорого. Санаторий «Чайка», например, обошелся в тридцать девять миллионов рублей, а рассчитан он всего на двести десять больных,— одно место обошлось в сто восемьдесят семь тысяч!

— Но, вероятно, эта дороговизна оправдывалась особенными удобствами для отдыхающих?

— Нет, не всегда. Разумеется, по общим отзывам, санатории наши комфортабельны. Но чаще всего архитекторы больше заботились о помпезности зданий, чем об удобствах. Колоннады, затейливые портики, пышно-надменные фасады — вот что выдавалось за достижения курортной архитектуры. Больной от этих «достижений» не выигрывал...

— Каковы же планы дальнейшего развития курорта?

— Еще в ходе обсуждения тезисов доклада товарища Н. С. Хрущева сочинская городская партийная конференция наметила меры по удешевлению строительства курорта. Уже в минувшем году мы кое-что сделали для того, чтобы коренным образом перестроить курорт. При этом был учтен как отечественный, так и зарубежный опыт.

— Вы были на заграничных курортах?

— Да, дважды. Наша делегация посетила курорты Англии, Бельгии и Народной Республики Болгарии.

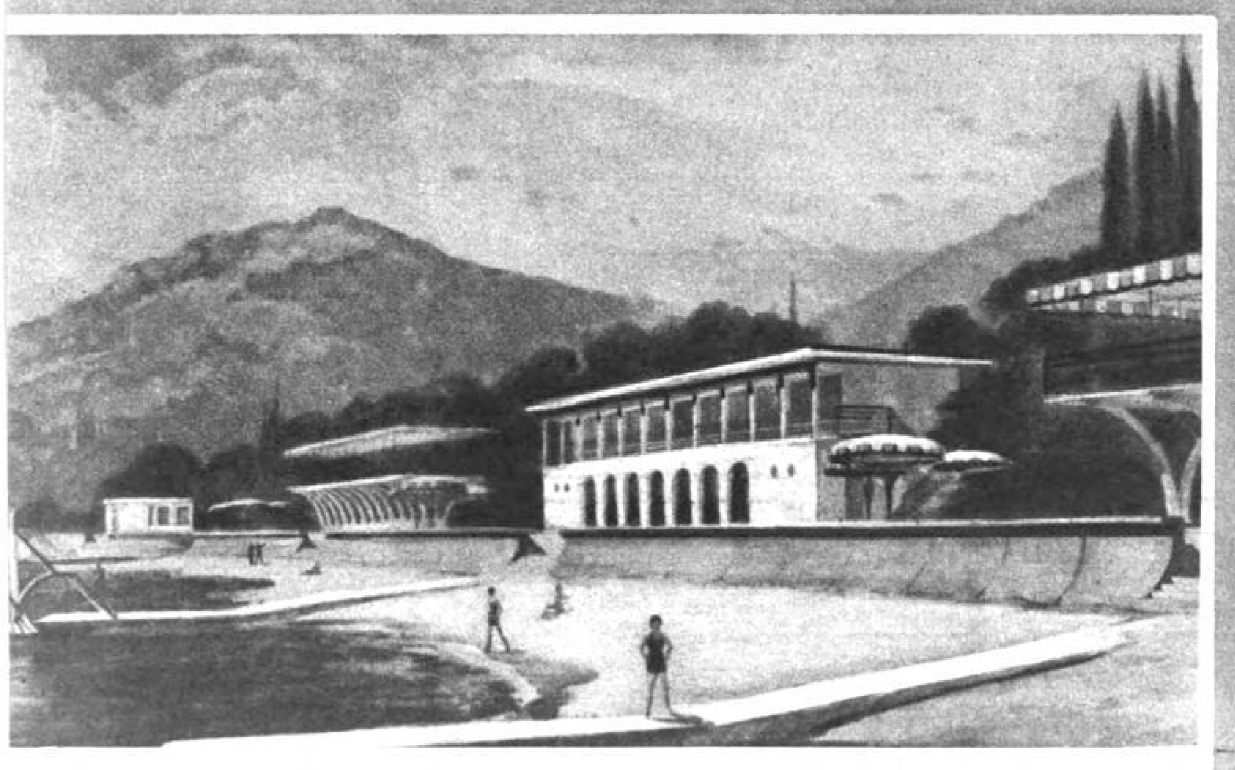
— Каково впечатление?

— Ну, если говорить об Англии и Бельгии, то там на курортах вовсе нет санаториев со своей лечебной базой, медицинским персоналом, лечебным питанием и режимом, как у нас. Курорты Англии и Бельгии — это, собственно, гостиницы, отели, пансионаты, которые за плату, и, разумеется, немалую, дают лишь ночлег больным. Не только определенной лечебной системы, но даже простого врачебного надзора мы не заметили на английских и бельгийских курортах.

В Бельгии, в Остенде, в лучшие месяцы сезона отдыхает до пятнадцати тысяч человек, а отели могут принять двадцать пять тысяч. На пляжах бельгийских курортов мы увидели очень удобные переносные домики-будки. Семья может снять такую будку, поставить ее на берегу моря и отдыхать в свое удовольствие. Хорошо поставлена торговля на пляжах, и что нам особенно понравилось — это изобретательность людей, ведающих развлечениями. Аттракционов, игр, спортивных площадок так много и они так разнообразны, что можно не сомневаться: человек там скучать не будет.

Но, конечно же, наибольшее впечатление на нас произвели курорты Болгарии. Я говорю «конечно же» потому, что слава о болгарских курортах разошлась по всей Европе и перекочевала за океан.

Что же особенного мы увидели у болгарских друзей? Курорты у них созданы в общем

Так в проекте выглядит пляж городка легкого типа.

по нашему принципу: много хорошо оборудованных санаториев для больных. Немало и пансионатов. Главное же в том, что болгары строят и санатории и пансионаты на удивление быстро и дешево. Нет, там не встретишь помпезных санаториев-дворцов. Даже стены санаторных зданий там почти вдвое тоньше, чем у нас, хотя климат подобен нашему. И высота комнат не превышает двух метров семидесяти пяти сантиметров. И уж чего мы не увидели вовсе,— архитектурных излишеств. Все сделано на редкость просто и строго. Красота там достигается не помпезностью, а строгой соразмерностью каждого здания и его элементов, а также окраской. Светлые, яркие красочные фасады домов, разноцветные фонари, дешевые, но изящные решетки и изгороди — все это ласкает глаз, создает у человека легкое, радостное настроение. И все это обходится дешево. Умеют строить наши братья-болгары!

Умеют они и занять отдыхающих. На пляжах отличные плавательные бассейны с горками и спусками, спортивные площадки, множество шлюпок, байдарок, водных велосипедов...

Правда, болгарские курорты работают только летом, но, побывав в Сочи, болгарские товарищи согласились, что часть санаториев они вполне могут держать открытыми круглый год.

— Что же нового будет в Сочи?

— Мы решительно отказались от излишеств в курортном строительстве, и об этом, наверное, никто не пожалеет. Недавно Норильский горнометаллургический комбинат, решив, повидимому, не ударить лицом в грязь, намеревался украсить Сочи еще одной колоннадой. Санаторий на триста человек был задуман как дворец стоимостью в несколько десятков миллионов рублей. Мы предложили норильчанам строить пансионат облегченного типа, со всеми удобствами для отдыхающих. Они согласились. Пансионат уже строится, создан он будет быстро, затраты на одно место сократятся втрое, а число мест увеличится с трехсот до восьмисот!

Строятся при санаториях и дополнительные двухэтажные корпуса с тонкими стенами, как в Болгарии. Удобства в них будет не меньше, чем в санаториях-дворцах.

И, наконец, еще один пример. Уже создан проект курортного городка летнего типа, который расположится в Адлере. Городок этот вместит пять тысяч человек, а будет стоить он меньше, чем санаторий «Металлург», где отдыхает лишь триста человек.

По генеральному плану реконструкции Сочи мы должны довести число мест в санаториях до двадцати тысяч. Если строить по старым проектам, как это и предполагалось, надо за пятнадцать лет израсходовать 450—500 миллионов рублей. По новым же, облегченным и улучшенным проектам мы имеем возможность осуществить всю программу за семилетку, сэкономив при этом стране около 300 миллионов рублей.

— Товарищ Доплатюк обращает внимание на то, что в санаториях отдыхает много здоровых людей, которым не требуется лечения. Правда ли это?

— Да, это правда, но в этом мы меньше всего виним самих так называемых «здоровых больных». Что такое наш курорт? Сочи располагает уникальными целебными источниками мацестинской минеральной, сероводородной воды. В лечении мацестой нуждаются многие люди, страдающие ревматизмом, сердечно-сосудистыми и кожными заболеваниями. К их услугам у нас и отличные ванные помещения и опытные врачи. Но Сочи не только место лечения, это южный благоустроенный, культурный город на берегу моря, отлично связанный со всей страной и железнодорожным, и воздушным, и водным транспортом. Разве удивительно, что именно в Сочи к началу сезона устремляются не только люди больные, но и здоровые, нуждающиеся лишь в отдыхе? Что мы можем им предложить? Море? Солнце? Воздух? Да, этого у нас достаточно. А где им жить, этим людям, если в городе до сих пор недостаточно гостиниц и нет пансионатов, домов отдыха?

Что же происходило на деле? Напуганный перспективой так называемого «дикого» отдыха, здоровый, но изрядно уставший за год человек правдами и неправдами доставал решительно ненужную ему дорогую санаторную путевку. Местный врач, исходя, видимо, лишь из того, что санаторий в Сочи «не повредит» здоровому, вписывал в его курортную карту какую-нибудь чаще всего мнимую хворобу, и вполне здоровый человек, нуждающийся лишь в купании и прогулках, занимал в санатории место, предназначенное для больного! А что делали санаторные врачи? Загипнотизированные курортной картой, они скрепя сердце назначали мнимому больному стандартное лечение и... умывали руки. А ведь совершалось-то преступление! Попусту расходовались деньги на содержание врачей, без пользы лилась целебная минеральная вода, а в это время в городах и селах много больных оставалось без лечения, необходимого им.

— Каким же образом пресечь это зло?

— Прежде всего предоставить санатории только тем, кто нуждается в лечении. Представляете, как это важно — каждое место в санатории отдать тому, кого надо лечить! Я думаю, что будет правильно ввести строжайшую и притом не только моральную, но и материальную ответственность за правильность выдачи санаторных путевок! Если врач вписал в курортную карту мнимую болезнь, если профсоюзный работник дал санаторную путевку тому, кто в ней не нуждается, пусть он и возместит полную стоимость путевки и все убытки человека, которого мы не примем в санаторий. И уж, конечно, надо наказывать тех, кто драгоценные путевки, предназначенные шахтерам, металлургам или лесорубам, отдает здоровым юношам и девушкам только на том основании, что они чьи-то родственники.

— Значит, для людей, нуждающихся лишь в отдыхе, остается только «дикий способ»?

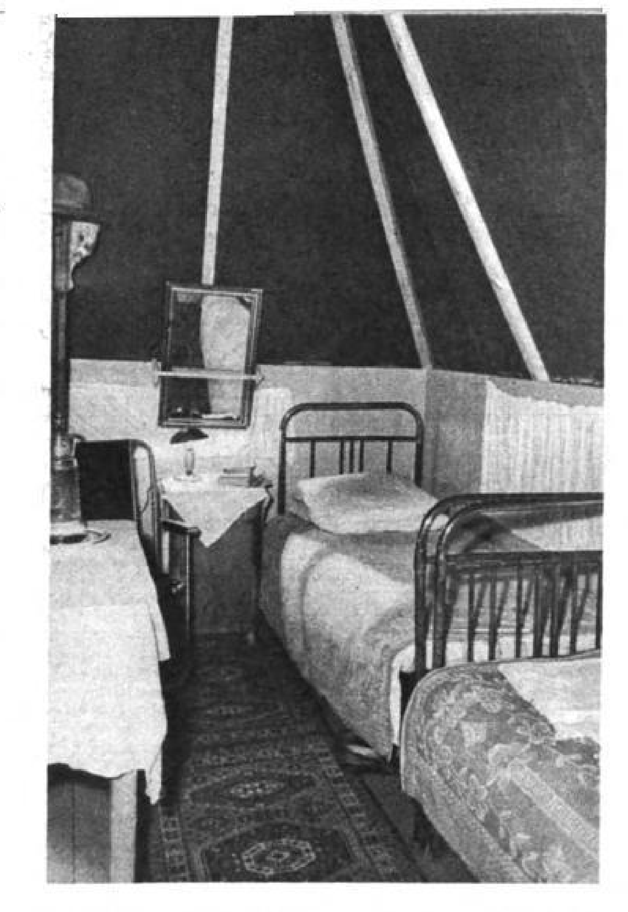
— Вовсе нет! Строятся новые гостиницы и пансионаты. Разработан оригинальный проект гостиничного городка летнего типа на тысячу мест в Верещагинской долине между зимним и летним театрами. Думаю, что следует переоборудовать в пансионаты и некоторые санатории.

— Это все?

— Нет, далеко не все. В прошлом году у нас сконструирована курортная палатка. Пусть не смущает читателей слово «палатка». Речь идет об очень удобном помещении. Оно электрифицировано, снабжено вентиляцией, и жить в нем вовсе не хуже, чем в палате спального корпуса. Зато если строить палатки, то стоимость места в них — около пяти тысяч рублей — окупится за один сезон. Первые палаточные городки уже действовали в минувшем сезоне в санаториях «Волга» и «Золотой колос». Люди хорошо отзывались о них, а если снизить стоимость путевки (что весьма возможно, так как отдыхающие не нуждаются в лечении), то мы уверены, что палатка завоюет большую популярность. Сейчас мы планируем создание крупных палаточных городков.

— А как будет с обслуживанием курортников?

— Вы имеете в виду питание? Это немаловажный вопрос. Прошлым летом, чтобы накормить отдыхающих, сочинский мясокомбинат ежедневно забивал пятьсот голов крупного рогатого скота, а молочный комбинат выпускал в продажу триста тысяч бутылок молока и кефира. Сейчас пункты питания мы выносим к морю, на пляжи,— это первое новшество. В минувшем году на пляжах было три столовых, на полторы тысячи мест. Решили прибавить еще четыре, на две тысячи. Там же, на пляжах, строятся водолечебницы, плавательные бассейны, аттракционы, будет на пляже и междугородный телефон...

Внутренний вид летней палатки в санатории «Золотой колос». В 1958 году в Сочи действовало уже два палаточных городка на сто мест каждый. Нынче их будет больше.

— Значит, курортник, прибыв в Сочи, получит все удобства?

— Да, конечно, трудящиеся города-курорта постараются сделать все, но согласитесь, что пятьсот тысяч отдыхающих в Сочи — явление совершенно ненормальное! И тут мне хочется от имени работников нашего курорта поставить такой вопрос: почему Сочи были буквально переполнены отдыхающими, в то время как на соседних курортах — в Гагре, Гудауте, в Новом Афоне, Сухуми, в Геленджике,— где солнце и море такие же роскошные, как у нас, было куда меньше людей? А почему вообще пустовал великолепный, один из лучших в мире десятикилометровый песчаный пляж в селе Ново-Михайловском, за Туапсе? А оглядите все Черноморское побережье,— сколько еще у нас неподнятой курортной «целины»? А сколько ее в Прибалтике, на Каспии, в Сибири, на Дальнем Востоке, в Средней Азии? А совершенно неисчерпаемые возможности туризма — этого лучшего вида отдыха для людей, не нуждающихся в специальном лечении?

В докладе товарища Н. С. Хрущева на внеочередном XXI съезде партии ясно указаны пути развития здравоохранения в стране, в том числе санаторно-курортного лечения. Нам нужно энергично проводить широкие планы партии в жизнь, и мы добьемся полного успеха в этом деле.

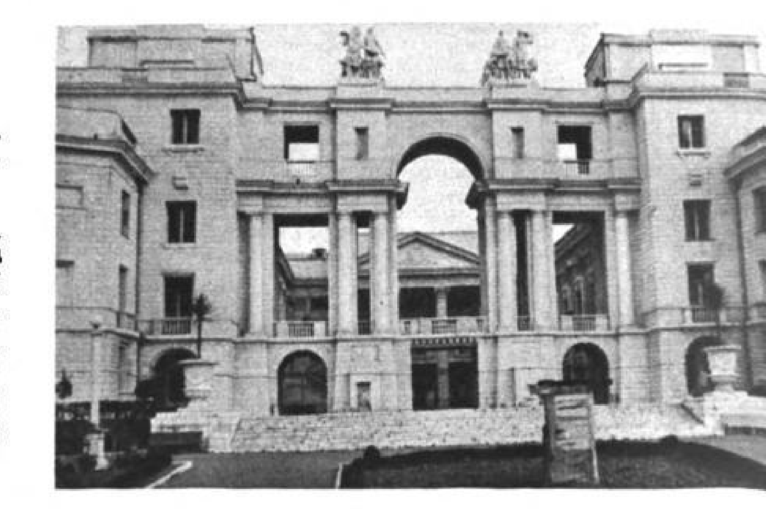
149 000 рублей

обошлось одно место при строительстве санатория «Новые Сочи».

ПОЧЕМУ ТАК ДОРОГО?

А потому, что архитектор допустил непомерные излишества. Перед пышным портиком с мощными коринфскими колоннами и белокаменными лестницами он возвел переход из одной части здания в другую, который вы и видите на снимке. Переход решительно никому не нужен, но стоил он огромных денег.

Вряд ли кто, кроме любителей излишеств, пожалеет о том, что в Сочи таких дворцов больше не строится.

ЧЕЛОВЕК ДОЛЖЕН МЕЧТАТЬ

Книга, о которой пойдет речь дальше, родилась в самом прямом смысле «под счастливой звездой». Она появилась на свет как раз в те дни, когда весь мир с ликованием и надеждой встретил осуществление мечты человечества: вышла на свою вековечную орбиту первая искусственная планета, созданная советскими людьми. Тем самым было еще раз убедительнейшим образом доказано ни в какой хартии не записанное, но реально существующее право, которым располагает советский народ, властитель своей судьбы,— «право на мечту». В счастливом мире, где мечты сбываются, облекаясь, по мудрому слову К. Э. Циолковского, в «научный расчет», в партийные директивы, в железные строки плана, наука спешит заглянуть вперед — в еще более отдаленное будущее. К слову заметим, что при этом она подчас оставляет позади не слишком крылатые домыслы некоторых профессиональных фантастов — писателей...

Не случайно хорошая мысль — собрать ученых, стремящихся связать свою сегодняшнюю работу с задачами будущего, за круглый журналистский стол и дать им возможность вслух помечтать — возникла в кипении редакционных буден «Комсомольской правды».

Составители книги, сложившейся из рассказов двадцати девяти советских ученых о науке и технике будущего, М. Васильев и С. Гущев проявили изрядную журналистскую квалификацию не только в остроумных комментариях к своим «репортажам». Они проявили умение задавать вопросы.

«Что может быть легче! Кто этого не умеет?!» — воскликнет иной читатель и ошибется. Вопрос вопросу — рознь. Найти самую «изюминку» научной проблемы, подойти к ней с наиболее занимательной стороны, суметь зажечь воображение ученого собеседника — нет, это совсем не так просто! Авторы книги справились с нелегкой задачей «разговорить» героев книги и отобрать из их рассказов именно то, что имеет право именоваться «Репортажем из XXI века». Так и названа книга.

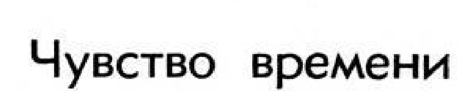
М. Васильев и С. Гущев хорошо сделали, что не сковали свои «репортажи» однотипной схемой. Поэтому в одних случаях, как, скажем, в беседе с академиком И. П. Бардиным, мы встречаемся с обстоятельным заданием творцам будущей металлургии. В других случаях перед нами только постановка проблемы, раскрытие которой сулит множество неожиданностей. О превращении естествоиспытателя в «конструктора живой природы» мечтает в книге действительный член Академии наук Белорусской ССР А. Р. Жебрак; академик В. А. Котельников связывает вторые полстолетия жизни радио не только с качественными переворотами в радиотелефонии и телевидении, но и в... химии; академик С. А. Лебедев рисует увлекательные перспективы революции умственного труда при помощи счетно-решающих машин.

Невозможно не только пересказать, но даже назвать все темы книги. Можно лишь выразить уверенность в том, что ее читатель действительно перенесется в мир «предвидимого будущего», пройдя по мостам, переброшенным смелой фантазией через неведомое и, однако, опирающимся на прочные научные устои. Эта связь с реальностью, ощущение будущего как ветви, растущей из ствола действительности, придает книге особое очарование. Книга проникнута великим оптимизмом материалистической науки, не видящей границ познания и твердо знающей, как об этом хорошо говорит академик С. И. Вольфкович, что безграничны возможности человечества в повышении производительных сил земли.

Книга «Репортаж из XXI века» распахивает перед нами окно в будущее, показывая его как дело наших рук. Это хороший подарок молодым — да и не только молодым! — мечтателям в год, который вошел в историю как год великого съезда строителей коммунистического общества.

Олег ПИСАРЖЕВСКИЙ

М. Васильев и С. Гущев. Репортаж из XXI века. Изд-во «Советская Россия». 1958. 246 стр.

Чувство времени

Чувство времени — неотъемлемое качество подлинного художника, сына своего народа. «...Даже те из классиков, которые ставили своей задачей писать общечеловеческие произведения,— говорил на Первом Всесоюзном съезде советских писателей известный русский драматург Владимир Киршон,— всегда оставались на почве своей действительности, поднимали вопросы своего времени, разрешали вопросы своей эпохи».

Плодотворная мысль заключена в этих словах, мысль, подтвержденная творческой практикой самого Киршона. К выводу этому нетрудно прийти, перечитывая сегодня, 20 лет спустя после смерти писателя, его пьесы, статьи и выступления, собранные в однотомнике Государственного издательства художественной литературы.

Читаешь эти пьесы, одну за другой: «Рельсы гудят», «Город Ветров», «Хлеб», «Суд», «Чудесный сплав», «Большой день» — и встает перед тобой живая, полная противоречий и страсти картина нашего общества лет примерно за двадцать — от гражданской войны до Отечественной, история нашей борьбы за построение социалистического общества.

И, что примечательно, каждое из произведений представляло в свое время горячий отклик на то, чем жили партия, народ, вся страна. Партия и народ восстанавливают разрушенное империалистической и гражданской войнами хозяйство, закладывают первые кирпичи в фундамент социалистической индустрии — и Киршон пишет на эту тему боевую пьесу «Рельсы гудят». Партия и народ готовятся к коллективизации сельского хозяйства — драматург создает пьесу «Хлеб». Партия и народ растят и воспитывают свою армию, готовят ее к будущим боям с фашистскими захватчиками — и это находит правдивое отражение в пьесе «Большой день».

Не так давно наши театры вновь обратились к киршоновскому «Чудесному сплаву» — веселой, остроумной комедии о довоенной молодежи, о славном поколении искателей, новаторов и энтузиастов. И правильно сделали! В свое время мне довелось видеть постановки «Чудесного сплава» и в филиале Московского Художественного театра и в Московском ТРАМе (ныне театр имени Ленинского комсомола). Интересные, яркие были спектакли. Думаем, что и сегодня пьеса эта звучит свежо и увлекательно. Жалуясь на нехватку хороших пьес, театры наши подчас сами себя непростительно обкрадывают.

Одним из главнейших достоинств драматургии Киршона являются созданные им образы положительного героя нашего времени — борца, созидателя, воина, образы солдат партии, представляющей ум, честь и совесть нашей эпохи. Недаром же Михайлов — главное действующее лицо пьесы «Хлеб» — был назван «Правдой» «потрясающим образом партийного работника, полного подлинного героизма и отваги».

С не меньшим интересом и волнением читаешь в книге Киршона его статьи и выступления. Кажется, что перед тобой овеществленный сгусток человеческой энергии, неуемной, сражающейся, охваченной наступательным порывом.

Тысячу раз был прав Киршон, когда говорил: «Социалистический реализм не резиновый мяч, товарищи, нечего опошлять глубокое значение этого метода утверждениями о том, что все находится в его пределах. Давайте уточнять, что же такое социалистический реализм в художественной практике, какие его основные черты, как нужно писать тем, кто действительно хочет пользоваться этим методом».

Пьесы Киршона, мысли его выдерживают проверку временем и, следовательно, современны для дней наших. Перечтем его книгу, дадим его пьесам новую сценическую жизнь. Пусть они активно участвуют в сегодняшней кипучей жизни народа!

Юр. ЗУБКОВ

Владимир Киршон. Избранное. Гослитиздат. Москва. 1958. 595 стр.

300 КНИГ К ДЕКАДЕ

В Бухарском музее я случайно обнаружил телеграмму, которую сорок пять лет назад представитель «Интеллидженс сервис» (английская контрразведка) послал из тогдашнего Циньзяня своему подчиненному:

«Направляю через Красноводск четыре тонны опиума, распространяйте среди наиболее волевых племен сартов».

В этом, как в капле воды, вся политика колонизаторов...

Прошло менее полувека. В стране, где некогда на грамотного человека смотрели, как на полубога, расцвели наука, литература, искусство...

Мне, как писателю и издательскому работнику, естественно, хочется рассказать о книгах.

Сейчас мы привезли в Москву свыше 300 книг, вышедших общим тиражом более 10 миллионов экземпляров. Узбеки ныне читают на родном языке не только Абу Али Ибн-сину, Навои, Бабура, Хафиза, Фурката, Мукими, Хамзу, но и произведения А. Пушкина, Л. Толстого, А. Чехова, М. Горького, В. Маяковского, М. Шолохова, А. Фадеева, К. Федина, Н. Тихонова и многих писателей братских республик.

На декаде представлено более 20 романов писателей Узбекистана, десятки повестей, пьес, сценариев, сборников рассказов, много книжек стихов и поэм. Союз писателей республики объединяет ныне около 200 литераторов.

Мы гордимся творчеством талантливого Хамида Алимджана, замечательных художников слова Гафура Гуляма, Айбека, Абдуллы Каххара, Шарафа Рашидова, Зульфии, Яшена. Есть и молодые силы, быстро обретающие творческую зрелость: прозаик Ибрагим Рахим и драматург Адыл Якубов, поэт Шукрулла и сценарист Тураб Тула... Всех не перечесть!

Рука об руку с узбекскими друзьями в республике трудятся русские литераторы, каракалпаки, татарские поэты, прозаики и драматурги.

Если хотя бы бегло просмотреть книги, изданные к декаде, нетрудно убедиться, что главное внимание литераторов обращено к современности, к проблемам волнующим и серьезным.

Есть у нас книги о рабочем классе Узбекистана, о славных революционных традициях узбекского народа, его борьбе за установление Советской власти, о подвигах на фронтах гражданской и Отечественной войн. Это романы «Светоч» Хамида Гуляма, «Фергана до рассвета» Мирзакалана Исмаили, «Солнце не померкнет» Айбека, «Годы в шинелях», «Настоящая любовь» Ибрагима Рахима, повесть «Маленький гарнизон» Мумтаза Мухамедова.

Изданы десятки книг о развитии музыкальной культуры, искусства, архитектуры, народного творчества республики.

Широко представлены на декаде и наши русские писатели. Закончил вторую книгу трилогии «Звезды над Самаркандом» Сергей Бородин, издан роман в двух книгах Михаила Шевердина. Новые книги написали Александр Удалов, Вячеслав Костыря, Владимир Мильчаков, Борис Пармузин...

Узбекские литераторы прибыли в Москву с творческим отчетом. Мы хорошо сознаем ответственность московской встречи, высоко ценим взыскательный вкус столичного читателя. И мы знаем: эта встреча будет очень полезной для нас.

Н. АХУНДИ,
директор Гослитиздата
Узбекской ССР.

Монография о Вересаеве

«Искренне уважаю Вас,— писал Алексей Максимович Горький врачу-писателю Викентию Викентьевичу Вересаеву в сентябре 1900 года.— И хотя знаю мало, но всей душою чувствую душу Вашу — прямую, свято-честную, смелую...»

Обаятельный образ врача-гуманиста, талантливого писателя нарисовал И. Гейзер в своей книге «В. В. Вересаев писатель-врач», выпущенной Медгизом. Кроме очерка жизни и творчества Вересаева, читатель познакомится с общественной деятельностью и врачебными взглядами писателя, его философски-этическими раздумьями. Большой интерес вызывает глава, посвященная спорам вокруг вересаевских «Записок врача».

МЫ ЕДЕМ НА ДЕКАДУ

Фото С. ФРИДЛЯНДА.

В Москву на декаду узбекского искусства и литературы приедет женский ансамбль народного танца «Бахор». Под аккомпанемент дойриста Кахрамона Дадаева солистка Рано Курбанова исполняет танец «Друзья». ↑

Концертная программа ансамбля начнется лирическим танцем «Вальс бахор». ↓

Молодая солистка балета Флора Кайдани исполняет танец арабской красавицы из оперы «Дилярам».

Государственный театр оперы
Навои покажет оперу Мух
На снимке: сц

Народный артист Узбекской ССР Шукур Бурханов в роли Брута в спектакле «Юлий Цезарь». Постановка Узбекского академического театра драмы имени Хамзы.

Впервые в декаде принимает участие национальный цирк Узбекистана. На снимке: популярный клоун Акрам Юсупов.

Узбекский р

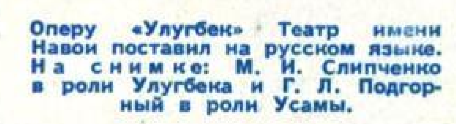

... и балета имени Алишера ...ара Ашрафи «Диларам». ...на из 4-го акта.

«Дядя Ваня» А. П. Чехова в Театре имени Хамзы. Елена Андреевна — Я. Абдуллаева, Астров — народный артист Узбекской ССР А. Ходжаев.

Оперу «Улугбек» Театр имени Навои поставил на русском языке. На снимке: М. И. Слипченко в роли Улугбека и Г. Л. Подгорный в роли Усамы.

...еспубликанский кукольный театр. Сцена «Байга» из концертной программы.

Изделия народных мастеров Узбекистана: золотое шитье, керамика, инкрустация.

В. ПОНОМАРЕВ,
С. ФРИДЛЯНД

Мы были в Ташкенте накануне декады искусства и литературы Узбекской ССР. Напряженно жил в те дни литературный и художественный Ташкент.

В издательстве вычитывались последние корректуры книг; в театрах с утра до ночи шли репетиции новых спектаклей, обновлялись декорации, упаковывались картины художников и изделия народных мастеров, примерялись костюмы, проводились отборочные просмотры и конкурсы.

Кто же они, эти избранники, которые едут на декаду?

← САРА-ХАНУМ

Народную артистку СССР Сару Ишантураеву обычно зовут в Ташкенте просто Сарой, прибавляя к этому нежное «ханум» — слово, выражающее уважение к женщине.

Мы хотели встретиться с нею в Театре имени Хамзы. Но здесь нам сообщили, что Сараханум уже закончила репетицию, и посоветовали заглянуть в республиканский комитет Советского комитета защиты мира.

— Сару-ханум вызвали на радио, — ответили нам здесь.

Из радиостудии нас направили в Министерство культуры. Но только поздно вечером мы наконец застали Сару-ханум дома. Актриса работала над своими мемуарами. Саре-ханум есть что вспомнить, о чем рассказать. Вот первое впечатление, запавшее в ее детскую душу.

Знойный летний день. У забора стоит женщина. Робко, умоляюще зовет она:

— Сарахон!

Сарахон — это значит Сарочка... Девочка идет на зов матери и долго всматривается в женское лицо, скрытое плотной черной сеткой чачвана...

Отец умер еще до рождения дочки. Матери трудно было содержать троих сирот. Сару устроили в школу-интернат...

В школе Сара узнала, что такое самодеятельность. И даже выступила на профессиональной сцене. Для узбекской женщины в то время — смелый шаг. Потом последовали годы учебы в Москве, в театральной студии. Упорный труд привел актрису к вершинам искусства.

— С чем Театр имени Хамзы едет на декаду? — переспрашивает нас директор театра Сара Ишантураева.— Из узбекской классики мы покажем спектакль «Бай и батрак» Хамзы. Повезем «Юлия Цезаря» Шекспира, «Дядю Ваню» Чехова. В декадный репертуар входит спектакль «Путеводная звезда» Яшена, пьеса о наших современниках «Хуррият» Уйгуна.

Сила призвания

Бернара Кариева получила балетное «крещение» в пятилетнем возрасте. На праздничном утреннике в детском саду она успешно станцевала Красную шапочку. После этого девочка «заболела» балетом. Мама Бернары не верила в артистическое будущее дочери и ждала, когда детское увлечение пройдет само собой.

Но девочка была последовательна в своих желаниях. Восьми лет она выступила в балете «Ак-Биляк» в роли цыпленка. А на заключительном концерте узбекской декады литературы и искусства в Москве в 1951 году она участвовала в танце маленьких лебедей из балета Чайковского «Лебединое озеро».

Но мать все еще не верила в призвание дочери, хотя противиться страстному влечению Бернары к балету уже не могла.

Окончив Хореографическое училище при Большом театре в Москве, молодая балерина вернулась в Ташкент и стала исполнять ведущие партии.

Последняя работа двадцатитрехлетней Бернары Кариевой — образ Нины в балете Л. Лапутина «Маскарад». Нина-Кариева очень лирична, обаятельна, трогательна. Успех Бернары разделяет одаренный танцор Р. Тангуриев — Арбенин.

НАЧАЛО ТВОРЧЕСТВА

Из-за религиозных предрассудков узбекское изобразительное искусство не знало образного творчества. Замечательные резчики по дереву, золотошвеи, мастера росписи свои замыслы ограничивали орнаментом.

Студент Мухтар Мусабаев — скульптор. Ему двадцать девять лет. Он работал в колхозе на хлопковых плантациях, потом стал трактористом. Был помощником мастера на ферганской прядильно-ткацкой фабрике, а по вечерам ходил в школу. Потом поступил в Ташкентское художественное училище и теперь занимается на втором курсе театрально-художественного института.

В 1955 году молодой скульптор уже участвовал на среднеазиатской выставке. Из работ Мухтара Мусабаева высокую оценку получили «Электромонтер», «Чабан» и «Поливальщик». Одна из них будет показана на декаде.

Чанг звучит, как рояль

Когда идешь по коридору консерватории, слышишь самые разные инструменты. Одни из них хорошо знакомы, другие совершенно неизвестны. Вот как будто звучит рояль. Открываем дверь. Но в руках музыканта инструмент, напоминающий белорусские цимбалы.

— Это чанг, узбекский народный инструмент,— объясняет солист филармонии Фазил Харратов.

— Где вы научились так хорошо играть на нем?

— Мой прадед был столяром и музыкальным мастером. Дед любил играть на узбекских инструментах. Он автор двух книг, где собраны классические национальные мелодии. Отец — композитор и поэт. Он усовершенствовал чанг: перестроил его на хроматический лад. Этот инструмент, который вы видите, изготовлен его руками. Я тоже внес в него некоторые изменения — и вот играю!.. Понравится ли эта музыка москвичам? Увидим...

«Над моим Узбекистаном ясный день встает...»

В эстрадном оркестре Узбекистана солируют молодые певцы Луиза и Батыр Закировы. Это брат и сестра, дети народного артиста Узбекской ССР, солиста оперы Карима Закирова и артистки Театра имени Мукими Шахисты Закировой, тоже певицы.

Луиза и Батыр очень артистичны, молоды и красивы. Они поют узбекские, арабские, ливанские, индийские, египетские, азербайджанские и другие песни. Поют хорошо. Особенно удается им песня, написанная их матерью:

Над моим Узбекистаном
ясный день встает,
Над моим Узбекистаном
синий небосвод...

У МАСТЕРИЦ ВЫШИВКИ

— А где можно познакомиться с мастерицами узбекской вышивки? — спросили мы в Музее изобразительных искусств.

— В конструкторско-технологическом бюро узбекского художественного промыслового союза, — ответили нам.

Деловито-канцелярское название мастерской нас немного смутило. Но, оказавшись там, мы сразу забыли об этом. Глаза разбежались при виде красочного многообразия всевозможных покрывал, сюзане, дорожек, штор, тюбетеек, ковров, подушек и других замечательных вещей.

Начальник бюро Назиха Джумаева познакомила нас с Кимьей Расулевой. Мастерица вышивала на машине красочное сюзане «Байрам», что значит «праздник».

Композитор, дирижер, профессор

С народным артистом СССР, композитором, профессором Мухтаром Ашрафи мы беседовали после того, как окончилась опера «Диларам».

— Предстоящая декада для меня — итог тридцатилетней работы. На моих глазах родилась и возмужала наша консерватория, появились крупные симфонические произведения узбекских авторов, создавался Театр оперы и балета имени Навои, которым я руковожу двадцать восемь лет.

Мне посчастливилось быть соавтором композитора Сергея Никифоровича Василенко в работе над первой узбекской оперой «Буран». Теперь мы покажем Москве «Диларам» — первую оперу, самостоятельно написанную композитором-узбеком. Сохраняя особенность узбекской музыки, ее национальный колорит, я стремился создать такое произведение, которое было бы понятно и интересно слушателям любой национальности.

Самая юная

Диларам Мирсагатова — самая юная участница декады. Ей семь лет. Музыкальную школу Диларам посещает второй год. Она бойко играет «Марш» Гедике и «Весеннюю песенку» Фрида. Это вся ее декадная программа.

Мама Диларам хочет, чтобы дочь стала пианисткой.

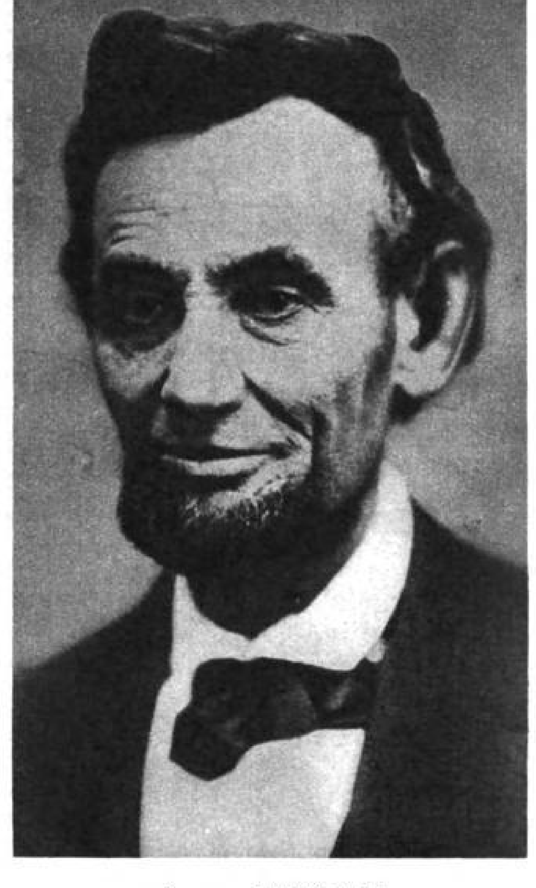
— А что ты хочешь?

— Я хочу, чтобы мама купила мне в Москве большую-большую говорящую куклу с моргающими глазами!

★

Мы могли бы продолжить свой рассказ о встречах перед декадой, но ведь те, кого интересует узбекское искусство, будут посещать спектакли, концерты и выставки, смотреть телевизор, слушать радио. И все они сами убедятся, как много талантов вырастил и воспитал узбекский народ.

ВЕЛИКИЙ СЫН АМЕРИКИ

Авраам ЛИНКОЛЬН.
(Фотография сделана за четыре дня до смерти.)

Прогрессивные силы мира отмечают 150-летие со дня рождения Авраама Линкольна. Сын небогатого фермера, он упорно и настойчиво учился и сумел стать популярным адвокатом. Избранный вначале членом законодательного собрания штата Иллинойс, Линкольн в 1847 году становится членом конгресса Соединенных Штатов. Линкольн — один из организаторов республиканской партии, представлявшей тогда интересы буржуазии и фермерства. Своим осуждением рабства и сочувствием идее освобождения негров Авраам Линкольн заслужил почетную ненависть рабовладельцев Юга. Несмотря на их сопротивление, Линкольн в 1860 году избран президентом Соединенных Штатов.

Для южных рабовладельцев это послужило сигналом к мятежу и выходу из Соединенных Штатов. В последовавшей затем гражданской войне буржуазного Севера и рабовладельческого Юга Авраам Линкольн сыграл выдающуюся роль. Занимая вначале колеблющуюся позицию, не решаясь провозгласить освобождение негров, Линкольн в дальнейшем под влиянием демократического движения провел ряд государственных мер, которые способствовали перелому в военных действиях в пользу республиканского Севера.

В 1864 году Линкольн вторично избирается президентом США. 9 апреля 1865 года армия южан капитулировала перед войсками Севера. А 14 апреля того же года Авраам Линкольн был убит агентом рабовладельцев. Смерть Линкольна явилась тяжелой потерей для народа Соединенных Штатов.

Герберт **АПТЕКЕР**,
американский публицист

Для американского народа Авраам Линкольн был и остается одной из самых уважаемых и прославленных личностей в истории Соединенных Штатов.

«Ведущие» американские историки из правого лагеря привыкли изображать Линкольна как человека консервативных политических взглядов, втянутого радикалами против его воли в активные действия. Так, профессор Гарри С. Гарман утверждает, что радикалы были якобы «бельмом на глазу у Авраама Линкольна». Мнение известного борца за освобождение негров Фредерика Дугласа значительно ближе к истине. Дуглас писал, что «с точки зрения самой проблемы уничтожения рабства Линкольн может показаться неторопливым, хладнокровным, даже равнодушным; но если взять фигуру Линкольна на фоне положения Америки тех дней, с которым он должен был считаться как государственный деятель, то он будет выглядеть темпераментным, предприимчивым, радикальным, решительным».

Идеи Линкольна в отношении негров и рабства если и не являлись самыми передовыми для его эпохи, то были явно левее воззрений «центра». Стоит, пожалуй, заметить, что многим американцам наших дней еще надо дорасти до тех взглядов, которые исповедовал Линкольн столетие тому назад.

Несколько существенных уроков вытекает, как нам кажется, из жизни и деятельности Линкольна.

Когда класс американских рабовладельцев увидел, что президентские выборы 1860 года, проведенные в соответствии со всеми законными требованиями, оказались не в их пользу, они решили прибегнуть к средствам контрреволюционной гражданской войны. Представители рабовладельцев обвиняли лидеров движения за освобождение негров и их сторонников в «подрывной деятельности» и «совращении граждан». Но сами они вступили на тропу национальной измены и с оружием в руках разожгли четырехлетнюю войну против своей собственной страны.

Успешное сопротивление силам контрреволюции требовало скорее наступательной, чем оборонительной стратегии; это относится не только к военным действиям, но и к области политики, к чему, в сущности, сводится в конце концов и война. Чтобы сломать хребет восстания рабовладельцев, надо было подорвать основной источник их власти, а именно их тиранию над четырьмя миллионами негров. Контрреволюция своими корнями уходила в рабовладельческую систему; чтобы уничтожить контрреволюцию, надо было уничтожить рабство. Поэтому лозунг Линкольна о «защите Союза» (единства Соединенных Штатов) на деле неизбежно служил и делу освобождения негров. Еще в те времена стала кристально ясной сама природа негритянского вопроса в общей истории американского общества, и в частности в истории демократического развития Соединенных Штатов.

Сопротивление Линкольна контрреволюционным рабовладельцам и его руководство борьбой за освобождение негров и за защиту республики — все это требовало международной поддержки, особенно со стороны революционных рабочих Европы. Судьбу победы над реакционной армией Конфедерации южных штатов решало мужество ставших под ружье рабочих и фермеров Севера, рабов и белой бедноты Юга; а в международном отношении эта победа зависела от симпатии и поддержки трудящихся масс европейских стран.

Из правительств Европы, по иронии истории, только правительство царской России относилось положительно к борьбе молодой республики. Царизм имел на это свои резоны: он находился в это время в оппозиции к внешней политике Англии и Франции. Что же касается этих правительств, то они, наоборот, определенно симпатизировали южным рабовладельцам, и если их симпатия не выразилась в открытом признании южан и активной военной помощи, то это объясняется давлением общественного мнения Европы.

Рабочий класс, в частности рабочие таких крупных городов, как Манчестер и Лондон, высказался весьма недвусмысленно в поддержку Севера. Здесь сказалось идейное влияние I Интернационала, руководимого Карлом Марксом. Другим проявлением международной солидарности, о котором нельзя не упомянуть, было движение сопротивления, разгоревшееся в Мексике под руководством национального героя Бенито Хуареса. Мексиканцы выступили против вторжения в их страну войск императорской Франции. Если бы Мексика подпала тогда под безраздельное господство французской империи, то мексиканская граница в сотни миль с Техасом стала бы источником непоправимых ударов по стратегическим планам Авраама Линкольна в его борьбе против южной контрреволюции. В этом смысле можно сказать, что национально-освободительная борьба мексиканского народа позволила тогда Соединенным Штатам сохранить единство своей территории и государственности. А между тем — опять-таки по иронии истории — американский империализм «воздает» сейчас мексиканцам за эту услугу политикой дискриминации и экономического порабощения!

Линкольна убили агенты рабовладельцев. Новая промышленная буржуазия, уже вступившая на путь монополистического капитала, заранее предвкушая получение прибылей от неисчислимых богатств американского Юга, похоронила обещание уничтожить рабовладельческую систему. Она предала забвению и обещание отдать землю тем, кто возделывает ее, и в первую очередь — миллионам негров, что обеспечило бы им подлинную свободу. В наши дни остается в полной силе нерешенная большая историческая задача — ликвидация прогнившей системы угнетения негров и демократизация американского Юга.

Лев Толстой сказал в 1909 году, что Авраам Линкольн был сильным человеком, из числа тех, которые много сделали для правды и справедливости...

Да, это очень знаменательно, что из всех блестящих исторических деятелей, которые выдвинул американский народ, одним из самых любимых является этот сын бедных фермеров-пионеров, с честью выдержавший великое испытание борьбы за свободу и отдавший жизнь за священное дело освобождения человечества.

Народ узнается по его героям. Самым важным итогом жизни и деятельности Авраама Линкольна является тот факт, что его подвиг и его мученическая смерть навсегда запечатлены в сердце Америки.

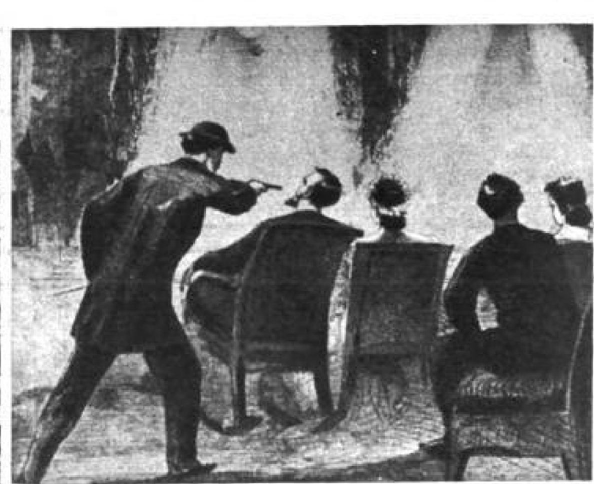
г. Нью-Йорк

Дом, в котором родился Авраам Линкольн.

В этой комнате родился Авраам Линкольн.

14 апреля 1865 года Авраам Линкольн был убит в театре агентом рабовладельцев.

Рисунок.

Россия

Из поэмы

ШУКРУЛЛА

Рисунки А. ЛУРЬЕ.

Год сорок третий. Стужа. Осень.
Шел бой в лесу уже три дня.
Обуглены вершины сосен,
Красны от дыма и огня.
Клочок земли в лесу родимом,
Спасенный нами в трудный час,
Пропахший сыростью и дымом,
Дороже жизни был для нас.
Казалось, вся страна большая
Вместилась в нем, в клочке земли...

Мы, ни на шаг не отступая,
Три дня неравный бой вели.
И вот в живых осталось двое.
Я с командиром рядом стал,
И прикрывал его собою,
И, пулей скошенный, упал.
А он взвалил меня на плечи,
Пошел он из последних сил...
— Оставь меня, дышать мне нечем,—
Чуть слышно я его просил.—
Оставь... Уж мне не видеть света...
Ты командир, себя спасай!

...Взметнулась белая ракета,
Зажегся небосклона край...
Склоняясь надо мной в заботе,
Водою он меня поил,
Когда на бреющем полете
Неподалеку «юнкерс» выл.
В дорожной мы лежали яме,
Смешалась вместе наша кровь,
И на меня его глазами
Глядела верная любовь.

Руками, алыми от крови,
Я руки друга крепко сжал,
Запнулся на каком-то слове
И тут сознанье потерял...
Очнулся в госпитале... Что же
Произошло? Как я спасен?
Я жив, а тот, кто всех дороже,
Мой друг любимый, жив ли он?

Я знал название селенья,
Где он родился... Сколько строк
Я начинал писать в волненье,
А написать письма не мог!..
И часто спрашивали дети,
Что ж за письмо я не берусь?..
Узнать, что нет его на свете,
Узнать, что умер он, боюсь!
Не лучше ль молча жить на свете,
Надеждой жить немало лет,
Чем задохнуться при ответе,
Что никакой надежды нет?..

А время шло... Уже за домом
Хлопчатник цвел на целине!
Я стал колхозным агрономом,
С утра до ночи на коне...
Но сердце помнило о друге,
И наконец не стало сил:
В дремучий край лесов и вьюги —
В Сибирь поехать я решил.

* * *

Вот степи пробежали мимо...
Незыблемый лесной массив
Встает зеленый, нелюдимый,
Ветвями небо обхватив.
Гляжу в окно. А поезд мчится,
За ним вдогонку облака.
То луг ромашкового ситца,
То в травах светлая река,
То, словно зеркало в оправе,
Лесное озеро блеснет...
Навеки быть счастливым вправе,
Кто это озеро найдет,
Кто здесь, под кедром в два обхвата,
Присядет на краю холма!
Макушка пламенем объята,
А у подножья кедра — тьма.

* * *

И песня о моей России
Росла в сердечной глубине...
Вдруг поезд стал. Места глухие.
Разъезд. Сходить тут надо мне.
И я сошел... Стою средь леса
Совсем один... Куда свернуть?
Лес, как зеленая завеса,
Ее раздвинул поезд чуть,
И ниткой золотой, сквозь ели
Мелькнув, из глаз моих исчез...
Сгущались сумерки, темнели.
Вокруг меня смыкался лес.

Я на̀ гору взошел. Оттуда
Заря была еще видна.

На взгорье, как лесное чудо,
Стояла девушка одна.
Красавица, и лес, и солнце
Вечернее передо мной!
Казалось, все сейчас качнется,
Зеленой пóднято волной,
Качнется и исчезнет песней...
Протер глаза — нет, не во сне! —
В красе дремучей, неизвестной
Сама Сибирь открылась мне.
А девушка взглянула строго,
С заботой, спрятанной в глазах,
Сказала: — Далека дорога?
Смотри, не заблудись в лесах!
И в теплоте ее привета
Почуялся глубокий смысл:
Мол, заночуй в селе до света,
В дорогу, путник, не стремись!
Дверь дома русского открыта
Для всех, кто к нам идет с добром.
Россия наша знаменита
Своим радушьем и теплом!
В любую дверь я мог войти бы,
Везде найти себе друзей...
Сказал я девушке: — Спасибо!
Не заблужусь среди людей.

Она с улыбкой молодою
Рукой махнула. И ушла.
Глядел я вслед, как шла тропою
Она до самого села...

* * *

Быть может, это от сиянья
Окрестной тихой красоты
Полны такого обаянья
Ушедшей девушки черты?
А может, потому со мною
Так много света и тепла,
Что здесь тропинкою лесною
Такая девушка прошла?..
И юность в памяти вставала.
В родной узбекской стороне
Впервые Пушкина читала
Моя учительница мне,
Анна Васильевна... Сквозь дали
Степей и гор, лесов и рек
Мне вслед глаза ее сияли,
Участьем прежним ободряли,
Незабываемым вовек.
И, словно этот лес зеленый,
Объятья мне раскрыл свои
Характер русский, непреклонный,
Прекрасный в дружбе и любви.
А лес от края и до края
Шумел на тысячу ладов,
Шумел, со мною повторяя
Созвучья пушкинских стихов.

* * *

Вот луг, луною освещенный,
Открылся с левой стороны,
А справа лес. Он, как зеленый,
Блестящий сарафан луны.
Его оставив над рекою,
Луна по берегу прошла,
Сверкнула голой белизною,
Нырнула в воду, поплыла.
Ночное небо забелело.
Трава бела, река бела.
И чья-то песня долетела
Ко мне из дальнего села.
Полна сердечности заветной,
Она вела свои лады.
Она жарка, как полдень летний,
Звонка, как плеск речной воды,
Прозрачна, как меж сосен воздух,
И задушевно хороша,
Как это небо, небо в звездах,
Как в дружбе русская душа!
Как волны золотого хлеба,
Широк напев ее, искрист...
Неслышно подойти к тебе бы,
Веселый парень-гармонист,
Глаза свои прикрыть рукою

И слушать ночку напролет,
Как льется песня над рекою,
Как сердце русское поет!

* * *

Замолкла песня. Вместе с ней
Луна из глаз мгновенно скрылась.
Ночь потемнела, притаилась,
А лес все глуше, все тесней...
И в наступившей тишине,
Где снова звуки стали глýхи,
Припомнил я, как на войне
Гостил однажды у старухи.
Не спрашивая ни о чем,
Она сказала: — Будь, как дома...
Я был ей вовсе не знаком,
Зато шинель была знакома.
— Анюта,— дочку позвала,—
Все, что в печй, на стол скорее!
И у дубового стола
Сидел я с девушкой и с нею.

Картошка, соль да хлеб ржаной —
Вот всё, чем рады и богаты!
И всматривалась мать с тоской
В черты прохожего солдата.
О материнский добрый взгляд,
Как на иконе, в темных вѐках!..
Ее сынок, ее солдат
Был непохожим на узбека...
Гостеприимный старый дом
В лесу припомнился мне этом,
С незанавешенным окном,
С далеко видным тихим светом.

* * *

И вдруг громóвые раскаты,
Свет, словно молния вдали!
И сосны в полтора обхвата,
Обрушась, нà землю легли.
Как травы скошены, рядами
Они лежат передо мной,
Поверженные не громами,
А мощной техникой людской.

Бродил я по лесным дорогам,
Прошел я сотни верст пешком,
Работал с лесорубом строгим,
Сидел с веселым пастухом,
Беседовал с бородачами,
Снега Сибири в бороде!
На всех дорогах люди с нами,
В любом труде, в любой беде!
А стариков люблю я с детства,
Суровых, мудрых и простых.
Как бережно они наследство
Хранят для правнуков своих!
Живой историей народа
Они по праву сочтены,
Родоначальники свободы
И революции сыны.

Струится свет по мшистым кручам,
Ночной простор избороздив,
И дарит жизнь лесам дремучим
Гудков заботливый призыв.
Не спят в ночи заводов трубы
И пароходов огоньки,
И валят сосны лесорубы,
Матерые сибиряки.

* * *

Мгла под горою в отдаленье
Село застлала пеленой,
Оно внезапно на мгновенье
Вдруг засияло под луной,
Но облаками затемнились
Сарай, и ферма, и село,
И лишь края горы светились,
Как бы в снегу, белым-бело.
И только лампочки во мраке,
Играя в стеклах парников,
Мерцали, радостны и ярки,
Цветным соцветьем огоньков.
И я в невольном изумленье
Поверил всей душою вдруг,
Что это вот и есть селенье,
В котором мой родился друг.

* * *

Я шел к селенью. Все знакомо
Казалось мне до мелочей,
Из каждого, казалось, дома
Сейчас появится Сергей.
Мечты мои к нему летели,
Как будто ласточки к гнезду!
А ноги... словно онемели,
Окаменели на беду!
Как по крутым пескам, шагали
Они по травам, полным рос...
Тяжелыми внезапно стали
Подарки, что я другу нес.
Казалось мне: платок неярок,
Урюк несладок — все к чему?
Он спас мне жизнь, дал жизнь в подарок,
А чем я отплатил ему?!

* * *

Вдали загрохотал простор,
Как будто камни катят с гор.
Сверкнула молнии коса,
Как бы надрезав небеса.
Тревожно зашумев во мгле,
Пригнулась низко рожь к земле,
Как будто пряча от струи
Колосья спелые свои.
И дождь — уже не дождь, а шквал! —
Так налетел, забушевал,
Что я под деревом не смог
Найти защиту — весь промок,
В сарай метнулся второпях...
Седой старик стоял в дверях.
В свое раздумье погружен,
Меня и не приметил он.
Со щек на грудь текла вода,
Рекой струилась борода...
Он ничего не замечал,
О хлебе думал и молчал.
Как будто бы не ливень — плеть
Его стегала по спине!
Вот так же хлопок свой жалеть,
Бывало, приходилось мне.

* * *

Я поздоровался. Впервые
Назвал я имя друга тут...
Шумят потоки дождевые
И с крыш по желобкам текут,
И жадно впитывает воду
Большая, жаркая земля...
Миг показался равен году —
Так ожидал ответа я!

Старик промолвил с уваженьем:
— Ну как же... Есть у нас такой!
Потом заговорил с почтеньем
О славе друга трудовой
И вдруг осекся: — Нет, он не был
На фронте... Спас тебя другой...
И словно покачнулось небо,
Глаза мои застлало тьмой!
Но голос слышится мне снова,
Гудящий, как далекий дождь:

— Ну что ты, что ты!.. Ивановых
Тут много, своего найдешь!

К сараю подошла машина,
Я в кузов сел со стариком,
И он рассказывал мне длинно
Своим басистым говорком
О всех Сергеях Ивановых,
Которых на веку знавал.
Светился средь ветвей сосновых
Луны серебряный овал.
И вдруг сказал старик: — Поверь мне,
Теперь я вспомнил. Твой Сергей
Приехал к нам, в село, намедни
Из Братска за семьей своей.
На фронте ранен... Глаз стеклянный...
Шинель враспашку... Ордена...
На стройке инженер он главный,
Его работу чтит страна.
Найду его — ты будь спокоен,
Я скоро ворочусь назад!

...Тесовый домик ладно скроен,
Крыльцо резное, палисад...
Сижу один в пустой избушке,
Дождь за окошком снова льет,
А мне тепло, как на опушке,
Где солнце вешнее печет.
Глаза закрою: предо мною
Мой друг, я рядом с ним сижу,
А через миг глаза открою,
На чьи-то карточки гляжу.
И вдруг лицо в раскосых веках
Из полумрака вырвал свет —
Ведь это юноши-узбека,
Фронтовика висит портрет.

Земляк мой, в этот дом с тобою
С узбекской солнечной земли
Пришли мы дальнею тропою,
По зову сердца мы пришли.
Мы худощавы, темнокожи,
А люди тут белы, статны...
Но с ними мы душою схожи,
В любви и дружбе им равны.
Меня здесь встретили, как сына,
Я охраняю этот дом...
Я сплю... А темная равнина
Шумит под проливным дождем.

* * *

И утро с мокрою травою,
С промытою дождем листвою,
Небес нежнейших синевою
И темно-розовой зарею —
Такое утро, вот оно,
Глядит в открытое окно!
В прозрачном воздухе душистом
Щебечут птичьи голоса,
Над спелым хлебом золотистым
Шумят сосновые леса.
Нет ни дождинки, ни пылинки,
Тишь на земле и в небесах,
Как бусы, круглые росинки
Блестят в зеленых лопухах...
И на плетне у пчеловода
Петух с оранжевым хвостом
Запел, встречая час восхода,
Широким хлопая крылом.
Старушка гонит хворостиной
К воде гогочущих гусей,
И от воды глубоко-синей
Их белизна еще белей.
И белка высокó на ветке
Кокетничает поутру,
Поглядывает, где соседки,
Чтоб с ними начинать игру.
А на вершине кедра пышной
Уже зажегся блеск лучей!

Вдруг отворилась дверь неслышно,
И в комнату вошел Сергей.
Я кинулся к нему, как птица,
Мы обнялись... Издалекà
К родному морю так стремится
И с ним сливается река.

И десять лет моей печали
Я рад за этот миг отдать!..
Лишь им, что счастье потеряли
И вновь нашли, меня понять...
Ведь это он, на самом деле,
Мой друг со мною, жив-здоров!
...И прямо в душу поглядели
Россия, Родина, любовь.

Перевела с узбекского
Светлана **СОМОВА.**

Ветка сирени

Рассказ

Ник. ВИРТА

Рисунки Н. ЧЕБАКОВА.

1

Это было в мае, когда цвела сирень.

Я ехал в поезде метро; время шло к ночи, редкие пассажиры входили и выходили, а несколько человек, как и я, направлялись к пересадочной станции, расположенной глубоко под большой и шумной площадью.

Прямо напротив меня сидел высокий узкогрудый и сутулый старик с нервным небритым лицом, одетый в темный мешковатый костюм. Его порыжелая шляпа, сдвинутая набок, обнажала редкую пегую растительность на узкой, вытянутой голове с огромным лбом и удивительно молодыми глазами. Пенсне на залоснившемся шнурке то и дело спадало с крючковатого носа; старик сердитым движением укреплял его на тонкой переносице и снова вонзался в газету.

Читая ее, он гневно фыркал и пожимал плечами с видом человека, возмущенного до крайности, порой шевелил длинными пальцами с посиневшими ногтями, словно бы споря с отсутствующим оппонентом или с самим собой.

Я заглянул в газету. В этом номере не было ничего такого, что могло бы привести старика в раздражительное состояние.

Однако раздражительность его не утихала, а, напротив, по мере чтения возрастала до такой степени, что, не пытаясь скрыть своего озлобления, он резким движением скомкал газету, сунул ее в карман и на весь вагон сказал:

— Ерунда-с!

От этого крикливого возгласа очнулся дремавший рядом со стариком пожилой мужчина в новом синем ватнике и таких же штанах. Он вздрогнул и обвел вагон испуганным взглядом. На его загорелой физиономии с щетинистыми рыжими усами появилось выражение растерянности, как это часто бывает с человеком, заснувшим и проснувшимся в незнакомом месте.

Мужчина опасливо посмотрел на старика и отодвинулся от него, а мешок, лежавший подле него, подвинул поближе к себе.

Старая, выцветшая солдатская фуражка, смятый ворот чистой рубахи, видневшийся из-под ватника, едва ощутимый запах земли, исходивший от этого человека, подсказали мне, что он, вероятно, подмосковный колхозник, приезжавший на рынок. Отодвинувшись от старика, мужчина вынул потрепанный дерматиновый бумажник, вытянул из него комок помятых бумажек, разгладил их и принялся считать, шепча про себя:

— Двадцать кустов по восемь, да пятнадцать по шести, и еще девять по три, итого, стало быть... Т-а-а-к... И пятнадцать на четвертинку, да кренделя... А-га!

Хмыкнув про себя и удовлетворенно пройдясь по усам, мужчина спрятал бумажник, привалился к спинке дивана и тут же заснул.

Услышав похрапывание, старик поморщился и, в свою очередь, отодвинулся от колхозника, а молодой сержант, все время изучавший свои новые сапоги, совсем еще мальчик, с умилительными румяными и сдобными щеками и светлыми младенческими глазами, громко рассмеялся и сказал:

— Ну и ну!

Старик бросил на него строгий взгляд. Сержант с виноватым видом снова воззрился на сапоги, а женщина с грудным ребенком, завернутым в пестрое одеяло, молодая и красивая, поджала сильно накрашенные губы, посмотрела на старика и сказала певуче:

— Однако строговат ты, батюшка.

Говорила она с сильным оканьем, сурово сдвинув полукруглые широкие брови. Старик поежился. Сосед женщины, парень лет двадцати пяти, худощавый, с озабоченным, усталым лицом, в сером двубортном костюме, в лиловой рубахе и при цветастом галстуке, зевнув, заметил:

— Да брось ты, Дуня!

И снова сладко и протяжно зевнул.

Перед ним стоял фанерный сундучок, окрашенный в голубой цвет, с кожаными ручками, выкроенными из поясного ремня, запертый на замок чудной формы, а сбоку лежала плетенка с хлебом, баранками и консервными жестянками, среди которых матово поблескивали апельсины. Парень поставил на сундучок ногу в светло-желтом остроконечном полуботинке, сморщился и сказал:

— Ох, и жмут, проклятые!

Женщина долго смотрела на полуботинок, осуждающе покачивая головой, потом заговорила так же певуче:

— Я ж тебе говорила: не покупай, Миша.

Отвернув край одеяла, она нежно посмотрела на спавшего младенца.

— Красавчик ты мой,— прошептала она, и ее карие, чуть-чуть навыкат глаза засветились таким добром и лаской, что даже сердитый старик расчувствовался. Пошевелив губами, он спросил отрывисто:

— Сколько лет?

— Да какое там лет! — усмехнулся парень в костюме.— Ему всего-то пять месяцев от роду.

Сержант заинтересовался ребенком и потянулся к женщине. Она откинула край одеяла; сержант долго смотрел на спавшее дитя и философически изрек:

— Ишь ты, какой!

— Васей его зовут,— сказала женщина.— К деду его привозили напоказ. Понравился! — И покраснела от удовольствия.

— У меня тоже Вася был,— вдруг проснувшись, густым басом сказал колхозник.— В сорок первом почти перед родным домом убили фрицы. В наступление, выходит, шел Васька, они его хлоп, и нет Васьки!.. Эхе-хе!

Сержант солидно откашлялся и мальчишеским голосом сказал:

— Война, известно.

— Да будь она неладна! — Колхозник махнул рукой, полез в карман, извлек кисет с табаком, но тут старик прошипел:

— Не полагается здесь курить, невежа.

— Извиняюсь,— торопливо отозвался колхозник, сконфузился, спрятал кисет и пояснил: — Не часто бываем в столице нашей Родины. И в метре, извините, как-то редко приходилось. Оттого и невежество. Это я ненароком. У нас в Кудреватовске кури сколько хочешь и где тебе желательно, поскольку свежий воздух, так сказать, окружает проживающих со всех сторон.

Сержант залился счастливым смехом, а старик, выждав, когда он отсмеется, поднял указательный палец с желтым пятном, въевшимся в кожу, и наставительно заметил:

— Пора бы кончить комедию с ломанием языка, уважаемый. «В метре!..» Нет такого слова. Еду в метро, спускаюсь в метро, иду к метро... Понятно? Повторите!

Я подумал, что старик вернее всего учитель, ушедший на пенсию.

— Очень благодарствую за науку,— добродушно согласился колхозник.— Конечно, не повсеместно учены всякому такому. А вам оно виднее, поскольку по наружности приметна схожесть с интеллигенцией. То есть в вашем лице.

— Из профессоров, видно, — отозвался парень, рассеянным взглядом острых, прищуренных глаз обводя пустой вагон.

Старик промолчал, но тень удовлетворения, скользнувшая по его болезненному лицу, не прошла мимо моего внимания.

— Профессора все знают,— уверенно произнесла женщина.— Например, насчет войны.

Было ясно по почтительному тону, что женщина напрашивается на успокоительный ответ.

Старик почесал острый кадык, выпиравший из-под желтоватого накрахмаленного воротничка, пожевал бескровные губы и тоном поучающим произнес:

— При данном соотношении сил войны не будет. Десять лет — это гарантия.

— Я, главное, за Мишу беспокоюсь,— как бы оправдываясь, заметила женщина и прикрыла личико ребенка от яркого света станции.— Он у меня в кузовном цехе работает. Очень передовой слесарь, а в получку, ну, скажи, до щербатой копеечки все домой принесет, не то что иные. Случись такая беда, его-то первым делом...

— Первым делом это мы,— вставил сержант с горделивым видом.— А уж потом ваш Миша.

— Это так, сынок,— мягко заговорил колхозник.— Вот мой Васька... Тоже в сержанты произвели. А тут как раз фриц навалился. Ну и первым делом за него хватанулись... Эхе-хе!

— Все разговоры, болтовня!..— желчно заговорил старик.

Он вытащил газету и потряс ею с ожесточением.

— Что в школе делается, а? И на нас же, учителей, все валят, а?

Старик еще долго брюзжал что-то про себя, потом отложил газету и обратился ко мне:

— Им, видите ли, не нравится, что мы наказываем баловников. Мамаша какая-то пишет, сынка, видите ли, ее обидел учитель... Ах, я бы ту мамашу!..

— Это уж точно,— оживился колхозник.— Пораспустились ребятишки, пораспустились, чего греха таить.

Сержант заерзал на месте.

— К примеру,— гудел басом колхозник,— из колхоза все норовят... Боже мой, и чего им только не хватает, очень бы я хотел знать! Ну, чего, а? К примеру, скажу, Ольга. Дочка то есть. Выучил я ее: десять классов и все на четверочках. Я говорю: «Олюшка, выходит, надо работать». А она мне: «Это где же?» Я говорю: «А на ферме, скажем. Очень приличная работа... А также в смысле заработков...» Она фыркает, а? «Там,— говорит,— пахнет навозом, а мне очень нравится идти в театр... То есть всякое представлять...» Ну, устроил я ей представление!

Все рассмеялись.

— Так и осталась? — заинтересовалась женщина.

— А ты думала!

— И верно,— сказала женщина.— Коров кому-то надо доить?

— А ты думала!

Старик сказал:

— Вы молодчина, вижу.

Колхозник подкрутил ус, полез за кисетом, но вовремя спохватился.

Парень в костюме провел рукой по худощавому лицу и задумчиво заговорил:

— А мы с Дуней у батьки в гостях были. Тоже насчет войны всякое болтают. Ровно я боюсь войны. Пойду, за милую душу.— Он косо посмотрел на сержанта и продолжал сердито:

— Подумаешь, нацепил лычки, как воин первого разряда.

Сержант, нисколько не обидевшись, снова залился счастливым, детским смехом.

— Да я только вчера их получил, лычки-то! Вот еду к маме... Показаться.

И румянец смущения залил его пухлые, ребячьи щеки.

Старик долго смотрел на него, потом проскрипел:

— Извините, молодой человек, а мама ставила вас в угол? Или, например, ремешком пониже спины, а?

— Да еще сколько раз! — весело сказал сержант.

— То-то и оно. Вот видите. — Старик снова обратился ко мне.— Вот вам результат. Когда-то мамаша не давала ему спуска, не баловала, а вот теперь он едет к маме, хочет порадовать ее сержантскими лычками... А они?..

Он разгладил руками газету и добавил:

— Непременно напишу этой мамаше. И сержанта в пример приведу.

Радио объявило, что следующая станция наша. Поезд остановился, и мы вышли на перрон.

2

Огромный, блещущий чистотой зал, от края до края залитый спокойным, ровным светом, был пуст. Бесшумно работал эскалатор. Милиционер в дальнем конце перрона, зевая, похаживал туда-сюда, изредка поглядывая на часы: они показывали половину первого.

Парень в костюме озабоченно сказал:

— Не опоздать бы на поезд, Дуня.

— Еще два часа осталось,— успокоила его женщина,— успеем. А Вася-то, погляди-ка, погляди-ка, спит себе!

— Ему все нипочем,— сказал сержант, поглаживая то место, где под коротким носом торчало несколько светлых волосиночек.

Колхозник вздохнул. Старик отошел от нас, сел на скамейку и задумался, шевеля губами.

Рядом с ним у колонны, подпирающей свод перрона, дежурная разговаривала с молодым человеком в голубой выгоревшей майке и синих сатиновых спортивных штанах, перехваченных у щиколотки резинкой; коричневые тапочки дополняли его незатейливый костюм. Тюбетейка, расшитая шелком, не прикрывала даже незначительной части отменно рыжей волнистой шевелюры. Он тоже стоял, возле колонны, чубатый и белозубый, с физиономией, загоревшей дочерна. У его ног помещался маленький чемоданчик с привязанным к нему футбольным мячом. Молодой человек был невелик ростом, но скроен так, что не придраться: все детали его мускулистой, поджарой фигуры, ловко подогнанные друг к другу, свидетельствовали о том, что спортом он занимается не зря. От него так и несло здоровьем, да и силенок в этом мускулистом теле было немало. Его левая рука опиралась на колонну, а в правой он держал большую, кустистую ветку сирени, которую все норовил всучить девушке в форменной одежде. Та отмахивалась от него и что-то шептала ему, улыбаясь и показывая глазами на нас, пассажиров, ожидавших поезда.

Если молодой человек понравился мне упругой, коренастой фигурой, то девушка, кокетничавшая с ним, вызвала во мне чувство восхищения.

И не красотой.

Лицо ее было из тех, которые называются «миленькими», и только. И не в лице заключалась прелесть этого юного существа. Если я скажу, что она была удивительно стройна, свежа и очаровательна,— я ничего не скажу. Видели ли вы когда-нибудь в лесу молодую дикую яблоньку, растущую между громадных сосен и берез? Все силы корней, вся мощь земных соков уходит у нее на то, чтобы выбраться поближе к солнцу, и растет она потому не в ширь, а в длину, и ветви ее пирамидально устремляются к небу, чтобы получить свою долю тепла и света.

Такой представлялась мне и эта девушка.

Подошел поезд, до того набитый людьми,— вероятно, откуда-то возвращалась экскурсия,— что мы даже не попытались сесть в него.

Девушка оторвалась от молодого человека, подняла жезл — поезд ушел. Она вернулась на прежнее место, и снова молодой человек затеял с ней старую игру: он пытался отдать девушке сирень, а она отталкивала ее и, невинно кокетничая, шептала:

— Да что ты, Алеша, ну, куда я ее дену! — и возвращала ветку, а он все уговаривал ее принять дар, но она отворачивалась и смеялась смущенно, потому что все мы, стоявшие на перроне, смотрели на них, и даже женщина, занятая своим ребенком, улыбаясь, следила за перипетиями игры влюбленных, толкала мужа в бок.

Подошел еще один поезд, но и тут нам не повезло: хотя он был пуст, но двери почему-то не открылись, а девушка, очевидно, зная, что они и не откроются, отошла от молодого человека, поправила фуражку, махнула жезлом, и поезд, набирая скорость, скрылся в глубине туннеля.

Едва девушка отправила поезд, к ней подошел мужчина, тоже в форме, и, что-то сказав ей, отошел торопливо.

Девушка обернулась к нам.

— Граждане, — сказала она деловитым тоном, — следующий поезд придет через семь минут.

— Ну скажи, скажи, глупый, да куда я ее дену, ты только скажи, — зашептала она потом молодому человеку, стоявшему в понурой позе. — Мне дежурить до шести часов, домой я попаду в семь...

— Да я провожу тебя, — уныло тянул молодой человек.

— Ну и что? — щебетала девушка. — Ну, проводишь, да ведь сирень-то завянет, ты только сообрази, право.

— Завянет, должно быть, — огорчительно произнес молодой человек. — А я-то старался! Ну, самую лучшую выбрал, ты сообрази. Прямо не знаю, Аня, что мне с ней делать... Не бросать же.

— Может, воды где достать,— посоветовал сержант. Он не спускал глаз с девушки, и они были полны обожания.

— Не может она отлучаться! — гневно возразил молодой человек, очевидно приметив взгляды, которые сержант бросал на девушку.— Она на посту, и уж кому-кому, а вам бы это надо знать, товарищ сержант.

Девушка, не замечая, либо не желая замечать ревнивого гнева молодого человека, приветливо улыбнулась сержанту и сказала:

— Конечно, вода есть, но во что ее налить?

Сержант щеголевато одернул гимнастерку, заломил набок пилотку — служил он, судя по кантам, в воздушном флоте — и солидно заговорил:

— Вот если бы какое-нибудь прохладное место... Мама всегда ставит цветы в прохладное место. Может быть, есть такое? — И оглянулся в поисках прохладного места.

— Да какое там место! — отмахнулась девушка, и милые губы ее снова дрогнули от улыбки.

— Действительно! — еще более гневно возразил молодой человек. — Тоже советчик!

— Да я от полноты души,— добродушно оправдался сержант.— Поскольку такое затруднение.

— Тебя не спрошу, — буркнул молодой человек.— А может, Аня, какой-нибудь чулан тут есть? Или погреб?..

Сержант прыснул.

— Чулан! — громко, с издевательской нотой бросил он.— Ну и чудак! Погреба в метро захотел.

— Пошел, пошел, — огрызнулся молодой человек. — Лезут тоже...

— Чулана нет,— стрельнув глазами в сержанта, отчего тот пришел в полное замешательство, заметила девушка. — Вот, ей-богу, глупые! Чулан выдумали...

— Может, вы хотите под метлу ее приспособить? — съехидничал сержант.

Молодой человек, закусив губу, с откровенной ненавистью взглянул на сержанта, и тот умолк.

— А помнишь, Миша, как ты в позапрошлом годе одаривал меня сиренью? — обратилась к мужу женщина с ребенком.— Кабы все вы оставались такими же ухажерами, как в первую пору.— Она шутливо погрозила ему пальцем.

Парень, сдвинув кепку, виновато почесал голову.

— Дела все,— проворчал он.— Тут не до сирени, ежели план... План выполнить — это тебе не корову доить.

Колхозник вдруг рассердился:

— А ты попробуй!

Старик, оторвавшись от своих мыслей, сказал, ни к кому не обращаясь:

— Весной особенно приятно дарить сирень

любимой женщине. Господи, сколько ее бывало в нашу пору в Москве! Возами привозили...

— Возами теперь отчасти воспрещено,— басовито загудел колхозник.— Я вот целый мешок привез... У меня садишко, так себе садишко, но сирень первоклассная. Поверите ли, в одночасье мешок опустел. Очень у нас народ любит этот цвет. То есть сиреневый, так сказать.

— Прямо не знаю, что придумать,— вздохнула девушка.— Действительно, старался-старался, а теперь...— Она ласково посмотрела на молодого человека.— Ах, Алеша, ну чего ты расстраиваешься?.. Как-нибудь дотянет она до утра.

Молодой человек облегченно вздохнул, и влюбленные глаза его, затуманенные печалью, просветлели.

— Не протянет. — Колхозник зевнул. — Нет, это уж как хотите.

— Н-да, задача! — Парень в костюме нахлобучил кепку и пожал плечами.

— А ты вот чего, милый,— оживленно заговорил колхозник.— У тебя, поди, ножичек водится? Так ты подрежь ветку снизу, ты дай соку вверх податься, понял? Враз оживет.

— Нет ножичка.

— Пожалуйста! — Сержант быстро вынул ножик и передал девушке.

Пальцы его коснулись ее ладони, и он покраснел так густо, что я невольно рассмеялся. Сержант, поняв мой смех, отвернулся.

— Это полумера,— заскрипел старик.— Верно, когда меняешь воду в вазе, надо подрезать стебли цветов. Оттого они дольше сохраняются. Это же относится к сирени. Но если в данный момент нет вазы или другого сосуда, надо бы обернуть ветку чем-нибудь мокрым, тряпицей какой-нибудь, и она простоит три дня. Только надо все время тряпицу смачивать... Это гарантия.

Сержант выхватил из кармана платок.

Девушка кокетливо повела носиком.

— Да что вы, в самом деле, товарищ сержант! Такой красивый платочек!

— Нечего тут платки совать! — сурово обронил молодой человек.

— Да я же от сердца,— смущенно пробормотал сержант.

— Нужно нам твое сердце!

Тем временем женщина, покопавшись в одеяле, вытянула из его складок белый лоскут и протянула молодому человеку.

— Это пеленочка Васина,— объяснила она.— Да вы не беспокойтесь, она чистенькая-пречистенькая. Я ее постирала, как от Васиного дедушки уезжали. В запас припасла. Да у меня еще есть, вы берите!

Молодой человек, к моему удивлению, шаркнул ножкой в тапочке и сказал, что это прямо очень здорово получается, но вот где бы достать воды...

Девушка шепнула ему что-то, и молодой человек стремглав помчался в конец перрона, где милиционер, по-прежнему зевая, бродил в одиночестве, посматривая на часы.

— Уж такой он беспокойный,— поглядев вслед молодому человеку, заметила девушка, потупив глаза и прижимая сирень к груди.

— Да, любит, видать.—Женщина с ребенком вздохнула.

— Ах, что вы в самом деле! — Девушка зарделась.— Это он просто так. Мы с одного двора с ним!..

Подошел поезд. Колхозник, кряхтя, взвалил на спину мешок, старик, поправив пенсне, шагнул в вагон, женщина осторожно переступила через порог, за ней вошел с чемоданчиком и плетенкой парень в костюме. Сержант, видимо, не собирался уезжать. Он как стоял у колонны, так и застыл, не спуская глаз с девушки.

— А как же мама? — задребезжал около моего уха голос старика.

— Тут поважнее дело,— ответил я.

Старик огорченно махнул рукой и сел в угол, сердито жуя губы.

Девушка слышала наш разговор и улыбнулась мне светло и ласково.

— А знаете, Аня,— сказал я,— ведь вы сами ветка сирени.

— Вот еще,— ответила она строгим тоном, вздернув носик.

Дверь медленно закрылась, и я увидел, как девушка, махнув вместо жезла веткой сирени, отправила поезд дальше.

ХУДОЖНИКИ СТРАНЫ УТРЕННЕЙ СВЕЖЕСТИ

МУН СО НЭЙ

Своеобразна и необычна красота природы Кореи. Когда под утро сползает туман, за сопками выступают причудливой формы вершины, сверкающие снежной белизной, кое-где остроконечные, голые, а иногда покрытые густым лесом.

По склонам отрожистых горных гряд бегут, шелестя по камням, прозрачные речушки.

В долинах в изумрудной траве желтеют кудрявые, горделивые хризантемы, бело-розовые головки камелий.

Издавна корейцы свою родину поэтически назвали «Корея — Чосон» — «Страна утренней свежести».

Художники Кореи обладают даром передавать в пейзажах очарование своей природы, чувства и мысли человека, богатство его духовного мира.

Об этом мы можем судить по произведениям изобразительного искусства современных художников Кореи. Выставка в Москве дает яркое представление о различных жанрах, направлениях, характеризуя богатую, художественную культуру Кореи, одаренность ее народа — трудолюбивого, талантливого и жизнерадостного.

История корейского искусства знает периоды расцвета.

Еще в древний период Силла художник Солгэ в Кенчжу нарисовал «Старую сосну». Она выглядела так естественно, что, как говорят предания, на нее не раз пытались сесть птицы. Эта роспись поражает широтой замысла, тонкой манерой письма и высоким уровнем мастерства живописца.

До наших дней в Корее сохранились яркие стенные росписи сырыми красками по кирпичам и камням в гробницах времен Когуре. Недавно при раскопках было найдено более 40 картин-росписей больших размеров. Они живы, динамичны.

Немаловажную роль сыграло в развитии искусства Кореи ее географическое расположение на полуострове, где скрещивались торговые пути и культурные связи между Китаем с его древней культурой и Японией. Но в то же время территория Кореи была ареной, на которой происходили многочисленные опустошительные войны из-за нашествия императорских китайских войск, маньчжуров, монголов. Поэтому мало сохранилось памятников искусства. А при полувековом гнете японских империалистов многие картины были похищены или уничтожены. Еще больше пострадали произведения искусства Кореи во время войны против американских империалистов. Ценные памятники прошлого были сожжены напалмовыми и фугасными бомбами.

В годы японского владычества усердно вытравлялось все национальное из корейского искусства.

Возможность по-настоящему создавать произведения искусства художники Кореи получили лишь после 1945 года, после ее освобождения.

В 1947 году было впервые открыто Художественное училище, а в 1949 году — первый Государственный художественный институт в Пхеньяне. В 1953 году был создан Союз корейских художников.

Сейчас в Художественном институте обучается более 300 студентов.

Художник Ким Рин Квон говорит:

— Трудовая партия сразу же после освобождения Кореи поставила вопрос о развитии искусства и литературы по реалистическому пути. Наше искусство по-настоящему стало изображать жизнь народа во время войны. Большинство художников в качестве рядовых солдат Народной армии Кореи вели мужественную борьбу за свободу и независимость родины. В перерыве между боями они писали острые сатирические карикатуры и лозунги, выпускали плакаты с рисунками. Не было у художников мастерской — работали на открытом воздухе, в солдатской палатке, в подвалах и бомбоубежищах, при беспрерывных бомбежках. Не было красок — их научились делать из глины: красную глину смешивали с керосином, а белила — с маслом. Не было холстов — брали старые одеяла, платья — все, что попадало под руку,— и на них писали. Эти массовые формы изобразительного искусства приобрели исключительное значение в дни войны, вселяя в народ оптимизм и веру в победу.

На выставке представлено более ста экспонатов семидесяти корейских художников. Это полотна, написанные маслом, и свитки, исполненные в технике старой корейской живописи, скульптура и графика.

Большой любовью пользуются на родине картины Чан Кван Чхоля — заслуженного деятеля искусств Кореи. Интересна история последней работы художника, «Сталевары». Сейчас многие корейские художники работают вместе с рабочими в течение двух — трех месяцев на предприятиях. В 1957 году по призыву Трудовой партии Кореи «Ближе к народу» Чан Кван Чхоль поехал работать на завод.

В одной из провинций был обнаружен уголь. И силами молодежи здесь в рекордные сроки была построена шахта. Молодой художник Пак Чан Чжун вместе с молодыми строителями поехал на это необжитое место и сам с ними строил шахту. Вернувшись из поездки, в 1957 году он написал картину о молодых строителях молодежной шахты.

Обращает на себя внимание полотно талантливого художника старшего поколения Мун Хак Су. Одна из его картин на выставке называется «Первая годовщина». Она рассказывает о радости счастливой жизни в свободной Корее. Прошел ровно год, как закончилась война, пришел долгожданный мир и покой на корейскую землю.

Наибольший интерес на выставке привлекают произведения, выполненные в национальных традициях корейской живописи, написанные эластичной кистью, непохожей на кисть европейских художников.

В этой живописи на свитках корейские художники целиком восприняли классическую китайскую технику: письмо тушью или водяными красками на шелке или бумаге, причем шелк или бумагу предварительно грунтуют.

Если раньше в корейской национальной живописи изображались горы, реки и цветы, то сейчас художники не только повторяют излюбленные мотивы, но смело вводят в нее новые сюжеты и образы, отражающие современную жизнь.

Только одну, но очень интересную работу показал Ди Дар Сын. Молодой художник чрезвычайно свободно пишет тушью в традиционной манере. Его акварель «На птицеводческой ферме» привлекает живописной композицией, образующей как бы замкнутый круг из фигур, смелыми и выразительными линиями рисунка, умелой попыткой передать объем фигур на белом фоне цветной тушью.

Мир безмятежной мечты, душевной гармонии раскрывается в картине «Танец» Ким Ен Чжуна. Плавно, легко и изящно кружится девушка в старинном танце у подвешенного большого барабана — сайцзанга. Под развевающимися длинными рукавами палочки. Она мерно ударяет ими в барабан. Сколько в ней одухотворенности! В этой акварели скупая ясность линий и чрезвычайно выразительная нежная чистота цветовых тонов.

Лучшие произведения, показанные корейскими художниками, оставляют глубокое впечатление.

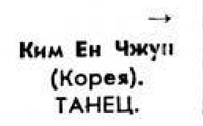
Мун Хак Су (Корея). ПЕРВАЯ ГОДОВЩИНА.

Выставка произведений изобразительного искусства социалистических стран.

Ди Дар Сын (Корея). НА ПТИЦЕВОДЧЕСКОЙ ФЕРМЕ.

Ким Ен Чжун (Корея). ТАНЕЦ.

Луна и... баскетбольная корзина

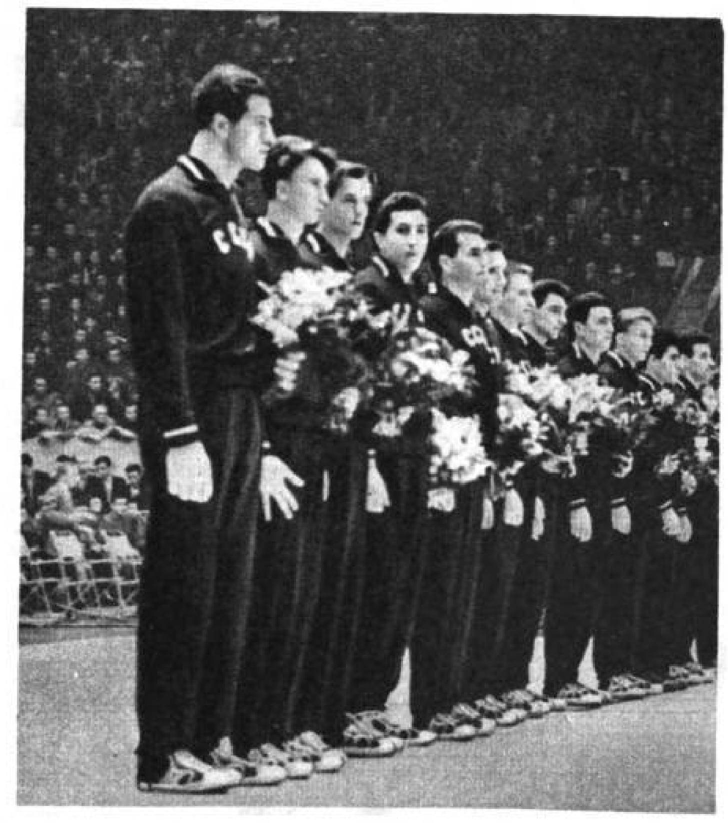
Е. ШАТРОВ

После Олимпийских игр в Мельбурне один из видных зарубежных знатоков баскетбола сказал тренеру нашей команды Степану Спандаряну:

— Вы победите американцев, но не раньше, чем через три олимпиады!

Прорицатель оказался не прав. Советская команда победила команду США не через двенадцать лет, а всего через два года после игр в Австралии, причем победила с разгромным счетом — 62 : 37. Спортивная печать всех стран продолжает комментировать этот сенсационный результат, показанный в Сант-Яго на розыгрыше баскетбольного первенства мира для мужчин. Пожалуй, самый остроумный комментарий принадлежит чилийской газете «Ультима ора», отметившей: «Когда доходит до запуска на Луну или бросков в баскетбольную корзину, Соединенные Штаты не могут угнаться за Россией». Обескураженные своим проигрышем команде СССР, американцы проиграли затем и бразильцам со счетом 67 : 81.

Советская команда не понесла в финальных играх ни одного поражения и была сильнейшей среди участников чемпионата. Однако отказ наших спортсменов встретиться с баскетболистами Тайваня был использован Международной баскетбольной федерацией как повод для того, чтобы извратить истинное соотношение сил, определившихся в соревнованиях. Федерация приняла вопиющее по несправедливости, беспримерное решение об аннулировании всех очков, завоеванных в турнире командой СССР и командой Болгарии, которая также отказалась играть с никого не представляющими тайванцами.

Сборная команда СССР по баскетболу.

В результате такого произвола чемпионом мира 1959 года объявлена команда Бразилии, побежденная советскими спортсменами дважды — и в предварительных и в финальных играх. На второе место протащили американцев. Впервые в истории баскетбола призовые места в соревнованиях определились путем голосования, а не в результате бросков по баскетбольной корзине. Это, конечно, не помешает москвичам тепло встретить истинных победителей мирового чемпионата.

XXVI шахматный чемпионат СССР

СТРЕМИТЕЛЬНОЕ НАСТУПЛЕНИЕ Т. ПЕТРОСЯНА

Сало ФЛОР,

специальный корреспондент «Огонька»

В Тбилиси шутят, что во время болезни Тиграну Петросяну сделали исключительно полезный укол «антипроигрина», после которого Петросян громит всех своих соперников. Из восьми партий он пять выиграл, а с такими «тузами», как Д. Бронштейн, П. Керес и М. Таль, сыграл вничью. Петросян стал лидером чемпионата и является единственным шахматистом, не проигравшим ни одной партии,— «последним из могикан».

В то время, как Петросян прекрасной игрой набирает очки, между другими участниками идет «рубка».

Таль после поражения, которое ему нанес дебютант Э. Гуфельд, отыгрался на гроссмейстере Д. Бронштейне. Однако в важнейшей партии турнира — с Петросяном — Таль не сумел обострить игру, и лидер чемпионата «железной рукой» сделал ничью, которая его вполне устраивала.

Теперь, для того чтобы догнать Петросяна, Талю нужен очень мощный финиш.

После проигрышей М. Тайманову и Л. Полугаевскому немного «стих» Б. Спасский. Но не надолго. Вскоре он нанес поражение А. Лутикову. В свою очередь Р. Холмов испортил настроение Тайманову.

Из мастеров следует прежде всего отметить Л. Полугаевского, который не успокоился после неудач на старте и выиграл пять партий подряд. Если дела так пойдут и дальше, то у него окажутся хорошие шансы занять одно из первых пяти мест. Это даст ему второй гроссмейстерский балл и вместе с этим звание гроссмейстера. Есть за что бороться!

Развязка на чемпионате близка. И в Тбилиси все громче и громче победителем называют «нашего Петросяна».

«Нашим» его считают в Тбилиси, где он родился, «нашим» считают, конечно, и в Ереване, но у него московская прописка, и москвичи тоже могут говорить: «Наш Петросян».

Европейская «прикидка»

Ник. КИСЕЛЕВ

Когда наступил момент награждения победителей первенства по скоростному бегу на коньках, произошел небольшой конфуз. Финны Ю. Ярвинен и Т. Салонен уже подошли к пьедесталу почета, а новый чемпион Европы... исчез. Его взяли в плен репортеры норвежского радио и увели в свою кабину для интервью. Диктор стадиона вынужден был начать торжественную церемонию с упрека победителю: нехорошо-де одному заставлять ждать всех.

Но вот сияющий Кнут Юханнесен появился на льду и вспорхнул на верхнюю ступеньку. На стадионе погас свет. И вдруг тонкий луч прожектора вырывает из темноты фигурку скорохода, сопровождая его во время круга почета. Это было очень эффектно: конькобежец с лавровым венком на шее и букетиком красной гвоздики в руках в центре движущегося светлого пятна. Как-то странно: лед, мороз и живые цветы, напоминающие лето. А может быть, это и символично. Неся до конца бремя славы, Кнут Юханнесен мужественно выдерживал атаку журналистов. Его спросили:

— Когда вы начали готовиться к чемпионату?

Кнут ответил:

— В апреле.

Это восприняли как шутку. Корреспонденты засмеялись. Тогда норвежец серьезно добавил:

— Правда, летом я играл в футбол, катался на велосипеде. Без этого не добьешься успеха на ледяной дорожке.

Да, не легок путь к вершине славы. Два дня единоборства были итогом упорных тренировок в течение многих месяцев.

Соревнования сильнейших скороходов континента проходили на гетеборгском стадионе «Нью Уллеви», знакомом по мировому футбольному чемпионату. Сейчас, неделю спустя, нет надобности подробно рассказывать о ходе соревнований. Однако следует отметить, что финны Т. Салонен и Ю. Ярвинен были сильнейшими в беге на 500 и 1 500 метров, а на обеих длинных дистанциях первенствовал норвежец Кнут Юханнесен. В многоборье он набрал отличную сумму очков — 189,805. Такого результата еще никогда не показывали на катках Швеции.

Еще один рекорд был побит: за два дня на «Нью Уллеви» побывало 55 тысяч человек. Цифра большая даже для Швеции.

Итак, европейская «конькобежная корона» после шестилетнего путешествия по Голландии, Швеции и Советскому Союзу (причем у нас она зимовала один год в Ленинграде и три последних — в Москве) вернулась в Норвегию.

Мы сравнительно недавно видели в Москве К. Юханнесена в дни матча Москва — Норвегия. Он тогда не выиграл ни одной дистанции, а по сумме очков остался на третьем месте, пропустив вперед своего соотечественника Т. Сейерстена и москвича О. Гончаренко. Было заметно, что Юханнесен еще не обрел хорошей спортивной формы, да и сам он высказывался в том смысле, что ему нужно «подоспеть» к турниру скороходов Европы и мира.

И вот три недели спустя, успев за это время четвертый раз стать чемпионом Норвегии, замечательный спортсмен предстал в Гетеборге во всем блеске.

Другой норвежец, Торстейн Сейерстен, поразил всех в Москве ритмичностью бега на своих коронных длинных дистанциях и блестящей техникой в преодолении поворотов. Здесь же, в Гетеборге, он выглядел уставшим, его движения утратили былой блеск.

Удивили всех финны. Хотя и Т. Салонен и Ю. Ярвинен не являются новичками в конькобежном спорте, все же их успехи на стадионе «Нью Уллеви» для многих были неожиданностью. И лишь в очень упорной борьбе, исход которой был решен в предпоследнем забеге на 10 тысяч метров, Ю. Ярвинен уступил пальму первенства Юханнесену.

Шведов последнее время тренирует бывший «король ледяной дорожки» — обладатель трех золотых медалей норвежец Я. Андерсен. Но пока молодежь лишь подает надежды, серьезных же претендентов на классные места шведы пока не имеют.

Экс-чемпион мира швед С. Эрикссон, присутствовал на стадионе лишь в качестве зрителя. Он не оставил мысли вернуться на ледяную дорожку, но теперь уж к Олимпийским играм, которые состоятся через год в Скво-Велли (США).

Выступления советских скороходов доставили много огорчений. За последние шесть лет они никогда не были столь неудачными. Не выиграна ни одна дистанция, не завоевана ни одна медаль в многоборье.

Олег Гончаренко к своему титулу чемпиона Европы вынужден был добавить неприятную приставку «экс».

Он находится сейчас далеко не в лучшей форме, к тому же, видимо, излишне высокие нагрузки на тренировках в самый канун соревнований в Гетеборге вызвали переутомление и помешали ему выступить успешнее. Но еще тревожнее другое: в сборной команде СССР не нашлось достойной ему замены.

Правда, в командном зачете нет сейчас равных нам, но ведь лавровый венок достается только одному, сильнейшему, а вот таких скороходов-многоборцев у нас до обидного мало.

Кнут Юханнесен — чемпион Европы 1959 года.

Фото А. Бочинина.

Состязания в Гетеборге можно назвать своего рода европейской «прикидкой». Через неделю в Осло к лучшим конькобежцам континента присоединятся и спортсмены других материков. Что принесут старты на катке «Бишлет»? Подождем неделю.

Гетеборг.

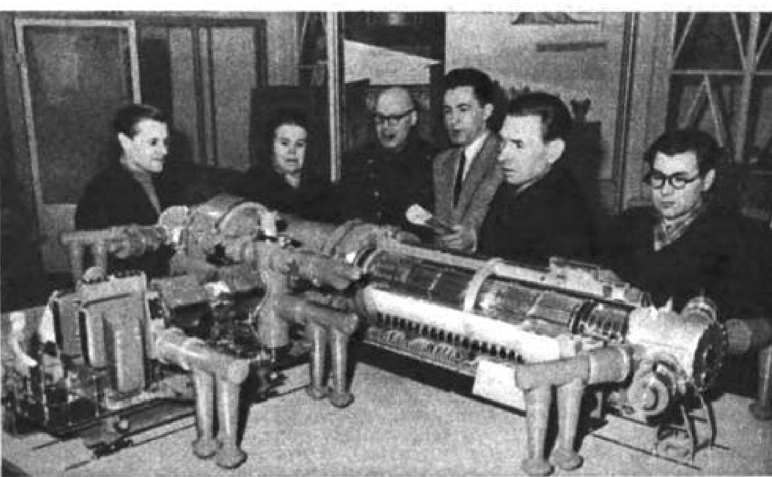
СМОТР ВЕЛИКИХ СВЕРШЕНИЙ

В павильоне «Наука».

Автомобиль-микролитражка.

Модель установки «Огра».

Образец однокомнатной квартиры.

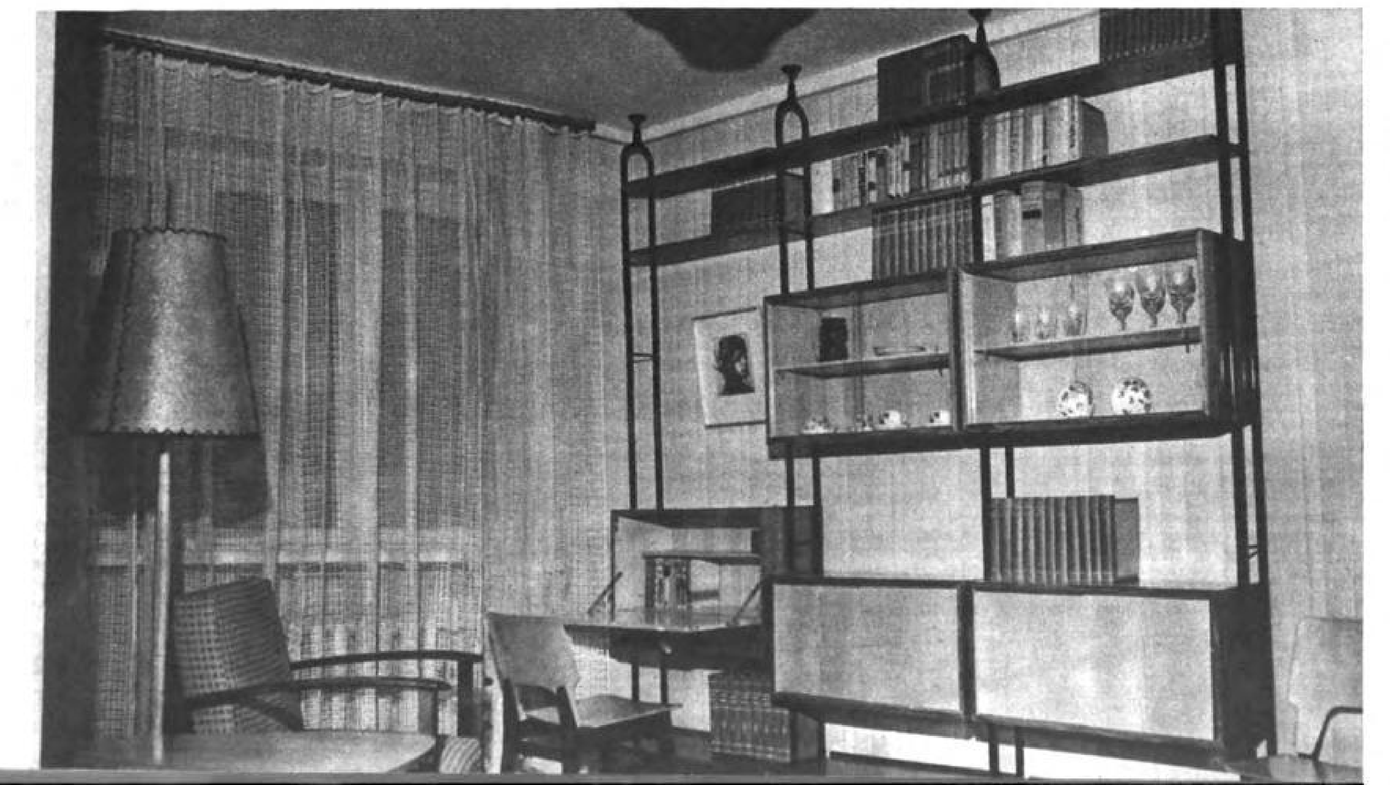

Фото Я. РЮМКИНА.

Делегаты XXI съезда КПСС и гости посетили Выставку достижений народного хозяйства СССР.

Павильон «Наука»... Здесь, точно огромные рыбины, распластались предшественницы искусственной планеты — головные части знаменитых геофизических ракет, поднимавшихся на высоту более четырехсот пятидесяти километров. Поверхность металла покороблена, почернела, тормозные щитки сильно опалены. Видно, не легко было штурмовать высоты... Со стен глядят фотографии иногда ласковых, иногда печальных, но всегда задорных, настороженных соратниц знаменитой Лайки.

В павильоне демонстрируются макеты всех трех советских искусственных спутников Земли, научная аппаратура, тележка со скафандром, предназначенным для полета в космосе живых существ, солнечные батареи.

Невольно сравниваешь один экспонат с другим, восхищаясь их непрерывным совершенствованием.

При входе в павильон — схема движения искусственной планеты, на вымпеле которой красуется государственный герб СССР. Тут же изображены люди в скафандрах, исследующие недра Луны. Это, несомненно, советские люди! Хоть картина эта и выглядит фантастической, но завтра эта фантастика станет реальностью.

Пророчески звучат начертанные рядом слова, знакомые ныне каждому школьнику: «Наша планета — колыбель разума, но нельзя вечно жить в колыбели». Они сказаны пожилым человеком с тростью в руках, в пальто, небрежно накинутом на плечи. Так изображен на портрете великий Циолковский, чей бессмертный гений в наши дни витает во Вселенной.

Да, наука — флагман выставки. Здесь узнаешь не только о проблемах межпланетных полетов. Многие экспонаты прежде, чем попасть сюда, совершили далекие путешествия.

Павильон Академии наук СССР почти целиком перекочевал из Женевы после второй международной конференции по применению атомной энергии в мирных целях. Выставки Советского Союза «Атомы для мира» демонстрировались еще в девятнадцати странах, их посетило около пяти миллионов человек в Дели, Пекине, Гетеборге, Риме, Вене, Будапеште, Дамаске, Осло...

«Я весьма восхищен огромными усилиями и прекрасными успехами тех, кто работает в Дубне»,— заявил незадолго до своей смерти великий французский ученый и борец за мир Фредерик Жолио-Кюри.

В центре павильона возвышается макет атомного ледокола «Ленин». И тут же специальная киноустановка демонстрирует, как устроен уникальный корабль. Мы видим и слышим людей, участвующих в строительстве ледокола.

Знакомимся с атомами на службе мира, узнаем о применении их в геологии и металлургии, в энергетике и химии, в нефтяной промышленности и сельском хозяйстве, в медицине и биологии. Первая в мире атомная электростанция!

Переходя в павильон «Трудовые резервы», где представлены работы юных умельцев, мы узнаем о том, как быстро сложнейшие открытия советских ученых овладевают умами нашего подрастающего поколения.

Казалось бы, ничем особенным не блещет модель атомной электростанции, изготовленная ребятами из ремесленного училища № 19 в городе Электрогорске. Но говорит эта модель о многом. Ведь когда-то именно в Электрогорске была создана первая в России электростанция на торфяном топливе. В годы гражданской войны она освещала Москву, и почти до наших дней на щите управления сохранялся рубильник, которым включали тогда ток для Кремля.

7 ноября 1922 года Владимир Ильич поздравил рабочих этой

электростанции с открытием клуба. И вот дети тех, кого приветствовал Ленин, шагнули к мирному атому. Макет сделан ребятами со скрупулезной точностью — недаром он вызвал восторг жителей Праги, Варшавы и многих других городов, когда демонстрировался за рубежом. А разве не замечательно, что из 18 премий, присужденных на Брюссельской выставке по разделу профессионального образования, 16 достались советским ребятам!

Советский человек прекрасно разбирается в космической ракете, но не меньший интерес проявляет он к архитектуре новых жилых домов, к мебели, повседневному быту. В павильоне «Химия» много формул, много труднопроизносимых названий, но еще больше тут замечательных вещей, изготовленных химиками. Одежда, обувь, меха, мебель, автомобильные шины...

Удобства! Это слово не раз услышишь во многих павильонах и даже в таком сугубо техническом, как «Машиностроение». Всюду мысль конструкторов сосредоточена на том, чтобы облегчить жизнь человека, повысить производительность труда, украсить быт.

Вот новую грузовую автомашину «Урал» окружили шоферы. Они придирчиво рассматривают двигатель, рулевое управление, колеса. Этот грузовик не будет знать препятствий на своем пути. У него шесть ведущих колес. Пятитонка, а управлять ею просто, легко. Тут же новые легковые автомашины, автобусы, мотороллеры. Широко экспонируется сельскохозяйственная техника. Вот крошечный трактор с набором таких же крошечных навесных машин для работы на виноградниках, в садах. Вот силосоуборочный навесной комбайн, самоходная сенокосилка.

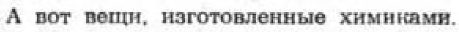
Есть чем любоваться, есть чем гордиться здесь советскому человеку!

З. ХИРЕН

→ Макет завода синтетического спирта.

А вот вещи, изготовленные химиками.

В павильоне «Машиностроение».

КАНДИДАТОМ В ДЕПУТАТЫ ВЕРХОВНОГО СОВЕТА РСФСР по Череповецкому избирательному округу выдвинут горновой Вениамин Иванович Жильцов.

В. И. Жильцов приехал в Череповец, когда там строился металлургический завод, он участвовал в сооружении доменной печи, не раз завоевывал почетное звание «Лучший горновой Советского Союза», обучил немало молодых рабочих.

На снимке: В. И. Жильцов наблюдает за выпуском металла.

Фото Г. Удальцова.

ДРУЖЕСКИ ВСТРЕТИЛИ ГОСТЕЙ — ДЕЛЕГАТОВ XXI СЪЕЗДА КПСС — молодые рабочие, учащиеся ремесленных и технических училищ столицы в Центральном доме культуры трудовых резервов.

На снимке: делегат XXI съезда КПСС, бригадир каменщиков гор. Минска, Герой Социалистического Труда Мария Касьяновна Макаревич среди молодежи.

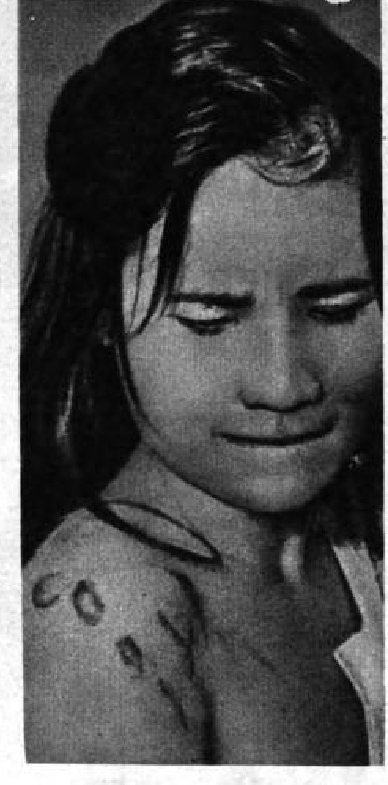
Фото Б. Кузьмина.

РАНЫ ТРАН ХИ НЕМ ОБВИНЯЮТ. Этой девушке, Тран Хи Нем, которой чудом удалось бежать в Северный Вьетнам, 26 лет. Вы видите страшные, незаживающие раны на ее плечах, груди и спине. Их еще не удалось до конца излечить врачам в советско-вьетнамском госпитале в Ханое.

Мастера пыток из южновьетнамского гестапо прижигали ее тело горящими сигаретами, они били девушку стальными прутьями. Они требовали «признания в преступлении».

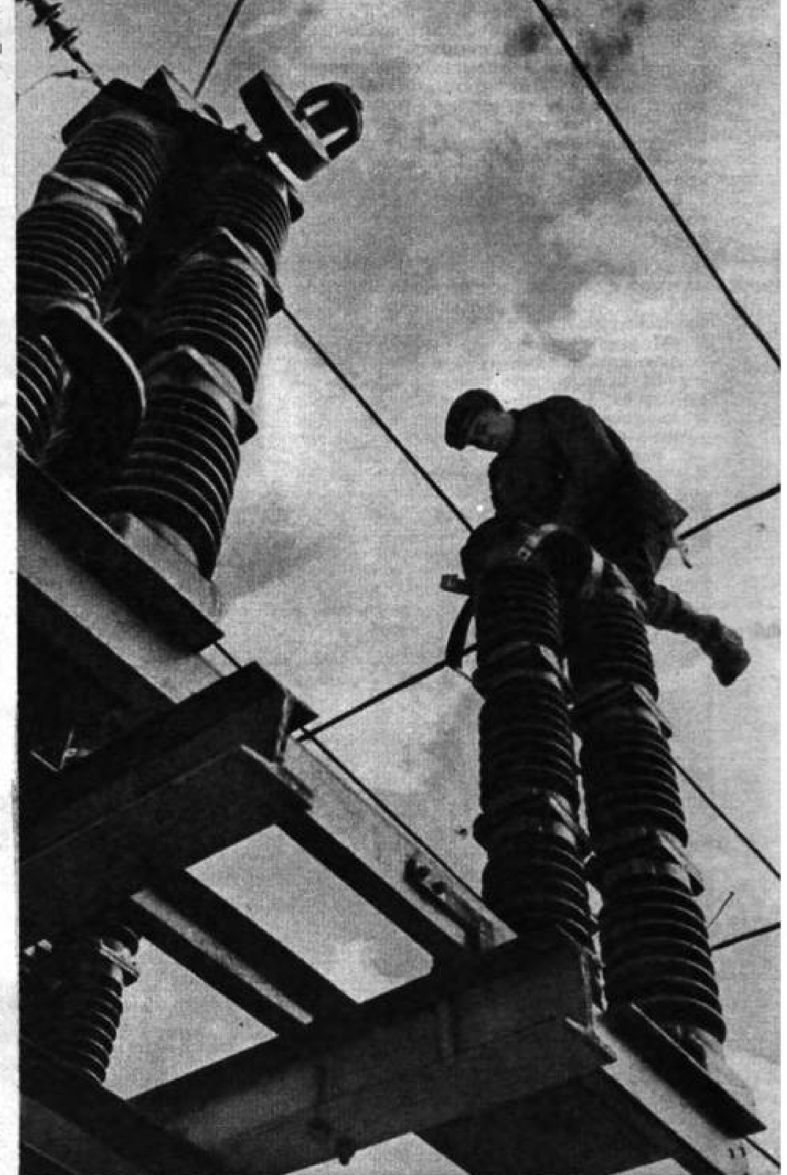
Какое же «преступление» совершила Тран Хи Нем? В 1955 году она передала в Международную комиссию по наблюдению и контролю во Вьетнаме петицию от жителей деревень Центрального Вьетнама с требованием демократических выборов и воссоединения страны.

Фото из журнала «Нейе Берлинер Иллюстрирте».

МОНТАЖ ОТКРЫТОЙ ПОДСТАНЦИИ на Томь-Усинской ГРЭС в Кузбассе. →

Фото Ю. Багрянского.

ТЕРЕК ПЕРЕКРЫТ. После взрыва огромной силы на Тереке образовалась мощная плотина, которая навечно перекрыла старое русло реки. Воды ее направлены теперь через головное сооружение в оросительную систему первой очереди Терско-Кумского канала.

С помощью ирригационного сооружения будут обводнены сотни тысяч гектаров земель в Северной Осетии, Чечено-Ингушской АССР, Дагестане, Ставропольском крае и Калмыкии.

Досрочное перекрытие Терека — подарок строителей XXI съезду КПСС.

Благодаря взрыву удалось сэкономить на земляных работах около миллиона рублей.

Фото В. Байдалова (ТАСС).

ШИРОКОЭКРАННЫЙ КИНОТЕАТР со зрительным залом на 600 мест открылся в Магадане.

Фото А. Соловьева.

ОДНОМУ ИЗ ЛУЧШИХ ПРЕДПРИЯТИЯ УДМУРТИИ, Сарапульскому кожевенно-обувному комбинату, вручено знамя дружбы, присланное трудящимися Либерецкого района, Чехословацкой Республики. Коллектив комбината достойно встретил XXI съезд КПСС, изготовив из сэкономленного материала 103 тысячи пар обуви.

На снимке: передовые работницы раскройного цеха комбината рассматривают чехословацкое знамя дружбы.

Фото Н. Смертина (ТАСС).

НОВЫЕ РАДИОЛЫ ВЫСШЕГО КЛАССА выпущены в виде пробной партии таллинским радиозаводом «Пунане Рэт». Образец такой радиолы получил серебряную медаль на Всемирной выставке в Брюсселе.

На снимке: мастер ОТК Вольдемар Найсаар (слева) и регулировщик Эрих Лууре проверяют радиолы. →

Фото С. Розенфельда.

ТРЕХКОЛЕСНЫЕ ТЕЛЕЖКИ ДЛЯ «СОЮЗПЕЧАТИ» и работников связи начал выпускать экспериментальный цех Харьковского велосипедного завода. Каждая тележка снабжена мотором, имеет кузов с прилавком, тент и витрину.

На этих тележках будут продаваться газеты и журналы, доставляться почта населению.

На снимке: первые тележки на улицах Харькова.

Фото Ф. Юдаева.

На последнем заседании творческого клуба «На огонек» работники редакции встретились с представителями трех различных областей деятельности.

Молодой изобретатель выпускник Высшего технического училища имени Баумана Л. И. Куприянович продемонстрировал собравшимся свое последнее изобретение — радиофон. Прибор, с которым познакомились участники собрания,— это беспроволочный телефон. Обладая портативным радиотелефоном, которому присвоен номер городской

Л. И. Куприянович.

сети, абонент может быть вызван из любого места, где бы он ни находился. Использование беспроволочного телефона позволит значительно расширить сеть телефонной связи сначала внутри Советского Союза, а позднее и за его пределами.

Другой гость творческого клуба, композитор А. Я. Лепин, сообщил о своей последней работе — музыке к кинофильму «Иван Бровкин на целине». Анатолий Яковлевич рассказал и о многих интересных эпизодах, связанных с историей съемок фильмов, о дружбе киногруппы с целинниками, которая завязалась на месте съемок — в алтайских степях.

А. Я. Лепин завершил свое выступление показом песен из этого кинофильма.

С большим вниманием и интересом присутствующие слушали рассказ нашего зарубежного гостя, кинорежиссера Андре Торндайка. Андре Торндайк, его супруга Аннели и группа работников кинофирмы «ДЕФА» работают над созданием серии фильмов, разоблачающих фашизм и милитаризм. Два из этих фильмов — «Это не

А. Я. Лепин.

должно повториться» и «Операция «Тевтонский меч» — уже знакомы советским кинозрителям. Журнал «Огонек» на своих страницах рассказывал о мужественной работе этого кинорежиссера. Но, тем не менее, деятельность Андре Торндайка и его коллег настолько обширна и многогранна, что слушатели могли узнать еще очень много нового и интересного о той поистине грандиозной работе, которую проделал талантливый коллектив, отбирая необходимые кино- и фотодокументы.

Андре Торндайк.

Сборник высказываний Д. И. Менделеева

8 февраля исполняется 125 лет со дня рождения гениального русского ученого Дмитрия Ивановича Менделеева.

Живущий ныне в Ленинграде бывший личный секретарь Д. И. Менделеева А. В. Скворцов задался интересной мыслью: извлечь из всех трудов ученого наиболее характерные и созвучные нашей эпохе высказывания.

Здесь мы приводим несколько выдержек из составленного Скворцовым сборника высказываний Д. И. Менделеева.

* * *

«Отделение Европы от Азии во всех отношениях искусственно и с течением времени непременно сгладится и, вероятно, даже совершенно пропадет, когда азиатские народы, в особенности китайцы, взойдут в общемировое общение и примут участие как в интеллектуальной, так и в экономической жизни всего света, чего дождутся, пожалуй, уже наши дети».

* * *

«Если бы хоть десятую долю того, что потеряно при Цусиме, было затрачено на достижение полюса, эскадра наша пришла бы во Владивосток, минуя и Немецкое море, и Цусиму, а главное, было бы много опытных моряков и людей, привыкших взрывать сопротивляющиеся массы, плавать под водой и вести бой с природою и людьми силою осторожно-смелой предупредительности».

* * *

«Словом, я желал бы сделать ясною ту мысль, что научному изучению задач, имеющихся в сельском хозяйстве, следовало бы посвятить больше усилий, чем это существует ныне, особенно в России, где почти совершенно отсутствуют учреждения, преследующие названную цель, несмотря на то, что бóльшая масса жителей живет сельским хозяйством. Особенно же настоятельным я считаю учреждение опытных станций для научного изучения растительных и животных организмов и почв, а затем образцовых ферм, в которых местные крестьяне могли бы близко видеть примеры для подражания и откуда могли бы получать улучшенные породы разводимых растений и животных».

* * *

«Ведь только независимость экономическая есть независимость действительная, всякая прочая есть фиктивная, воображаемая».

* * *

«Замереть России — гибель. Ее удел, поэтому, все двигаться вперед и составленное историческое имя ей должно удержать на должной высоте, пользуясь для того своевременно ясными уроками истории окружающих народов Востока и Запада».

Ваш Коля

Фельетон

Е. ВЕСЕНИН

Рисунки В. ГАЛЬБА.

Просматривая как-то вечернюю газету, я от нечего делать стал читать объявления о разводах. Одно объявление привлекло мое внимание:

«Бадеев Николай Павлович, прож. Ново-Козихинский, 38, кв. 66, возбуждает дело о разводе с Бадеевой Аграфеной Кузьминичной, прож. там же. Дело подлежит рассмотрению в суде...»

Бадеев, Бадеев... Что-то знакомая фамилия. Бадеев Николай? Коля? «Ваш Коля». И я сразу все вспомнил.

Года два назад ко мне в редакцию явилась молодая женщина лет тридцати — Клавдия Семеновна Громова. Семейная жизнь у нее сложилась неудачно: муж, такой приветливый до женитьбы, оказался грубияном. Она подала на развод. В вечерней газете напечатали объявление. И вдруг через четыре дня на домашний адрес Громовой пришло письмо:

«Уважаемая Клавдия Семеновна!

Прочтя ваше объявление о разводе вас со своим мужем, я решил вам написать. Не удивляйтесь этому письму, Клавдия Семеновна. Пусть оно не покажется вам странным, а будет началом и признаком счастливой, здоровой, разумной и преданной хорошей жизни для нас с вами обоих. Я полагаю, что в письменной форме так же успешно можно познакомиться, потом встретиться и создать самостоятельную, спокойную жизнь, супружескую жизнь совместно с вами. Мы будем делиться в равной степени и горем и счастьем, не покидать друг друга, быть всюду вместе, где бы то ни было и в любых условиях.

Мой идеал, моя мечта — найти себе настоящего друга жизни, настоящего человека. Я прошу вас поделиться со мной своими мыслями в письменной форме, а если возможно, назначить время и место встречи. Очень желательно получить от вас фотокарточку. При получении от вас, я взаимно вышлю вам свою. Хочу коротко познакомить вас с собой. Я холост, 1915 года рождения, образование высшее, специальность — агроном и педагог. Одинокий, характер уступчив. Если вам угодно, непьющий. Желательно, чтобы и вы написали о себе все подробнее. Жду от вас поскорее ответа. Ответ пишите по адресу: Москва, Главпочтамт. До востребования Бадееву Николаю Павловичу.

С глубоким уважением к вам.
Ваш Коля».

— Нельзя ли продернуть в фельетоне такого нахала? — попросила меня Клавдия Семеновна.

Я подумал: тема явно фельетонная, но фактического материала было маловато. Как бы узнать поподробнее об этом Бадееве?

Я уговорил Громову ответить Бадееву, и тут же мы составили текст письма:

«Уважаемый Николай Павлович!

Ваше письмо вызвало во мне чувство большого недоумения. Как можно серьезно говорить о знакомстве «в письменной форме» и тем более утверждать, что это знакомство перейдет в супружескую жизнь? Извините, но я считаю это легкомыслием. Я убедилась на собственном опыте, что не всегда даже довольно продолжительное личное знакомство приводит к счастью, а тем более какое-то заочное.

Вы находитесь в значительно более выгодном положении, чем я. Вы хотя бы знаете мой домашний адрес, а мне о вас известно только: «Главпочтамт».

Уж если вы хотите письменного знакомства, то напишите о себе подробнее. Где вы живете, где работаете? Напишите яснее, почему вы решили искать жену при помощи писем и почему вы думаете, что это может привести к «счастливой супружеской жизни».

А пока желаю вам успехов в жизни и работе».

Бадеев не замедлил с ответом.

«Уважаемая Клавдия Семеновна!

Очень было приятно читать ваше письмо. Все-таки отозвалась ваша душа на мой голос.

Я приезжий, одинок и холост. Жил с женой без регистрации пять лет. Она умерла. В одиночестве надоело жить. Хочу заново построить жизнь и создать себе счастливую судьбу. Сейчас я живу временно у знакомых в Москве без прописки. Если бы нашлась подходящая женщина в возрасте от 25 до 40 лет, я бы отдал всю душу для нее. Я был бы очень хорошим другом жизни и мужем. Все условия с моей стороны для подобной жизни есть. Я здоров во всех отношениях, 40 лет. Образование высшее, непьющий, даже не курю, невоенноoбязанный по сильной близорукости, среднего роста. На лицо неплохой. Обут и одет. Согласен зарегистрироваться в браке, если пожелаете. При вашем нежелании детей — не допустим их.

Желательно от вас также иметь подробные сведения и ответы на эти вопросы. Ответьте, только очень прошу, поскорее. Когда к вам приехать и поговорить с вами? Я при достижении согласия немедленно переехал бы к вам для постоянной жизни.

Прошу окончательного, конкретного ответа.

Ваш Коля».

— Вы читали? Он собирается прийти ко мне домой! О чем мне с ним разговаривать? Посоветуйте, что мне делать? — растерянно спросила Клавдия Семеновна.

— Что делать? Ничего! — простодушно ответил я.

— Как ничего?

— А вот так. Не отвечайте. Потерпите несколько дней, а тем временем я кое-что выясню.

Дело в том, что я уже разослал около тридцати писем женам, которые разводились. Я просил их сообщить, не получали ли они, подобно Громовой, после объявления в газете каких-либо писем с предложением руки и сердца.

На свой запрос я получил несколько ответов. Как я и предполагал, Бадеев завел переписку не с одной Громовой, а предусмотрительно списался одновременно с несколькими: авось, кто-нибудь и клюнет... Вот почему он так торопится с «окончательным, конкретным» ответом.

Тамаре Фирсовне Николаевой он писал:

«Дорогая Тамара Фирсовна! Простите за беспокойство, получив такое письмо от совершенно незнакомого человека. Когда я просматривал газету, то подумал, что где-то в уголке кроется мое счастье, и в самом углу прочел объявление о вашем разводе. Бывают такие случаи, когда двое незнакомых людей пишут друг другу и находят потом счастье. Пришлите мне свое фото, и я примчусь к вам, как штык».

Наталье Петровне Колбасиной он писал коротко, но категорически:

«Если вы еще не вышли замуж, напишите мне об этом. Если же вышли или у вас уже есть друг, с которым вы живете, тогда, быть может, у вас имеется свободная подруга, на которой я мог бы жениться до гробовой доски».

Но пока я выяснял все это, события развертывались с кинематографической быстротой. Не получив вовремя от Громовой «окончательного, конкретного» ответа, Бадеев пожаловал к ней на квартиру самолично. Дома он ее не застал. Но этим ничуть не смутился и довольствовался обществом бабушки, которой учинил допрос с пристрастием:

— Кто живет в квартире? С кем встречается Клавдия Семеновна? Где она работает? Сколько зарабатывает?

Затем попросил разрешения взглянуть на комнату, где живет его будущая невеста. С видом товароведа-оценщика он окинул взором обстановку и спросил у бабушки, нет ли фотографии Громовой. Бабушка указала на висевшую над тахтой фотокарточку какой-то кинозвезды. Фотография произвела на Бадеева благоприятное впечатление: невеста ему определенно понравилась. Взглянув на часы, он заторопился и оставил бабушке для Клавдии Семеновны записку:

«Я был у вас в 10 часов вечера, но не застал вас.

Ответа на мою открытку от вас я также не получил.

Завтра, быть может, заеду вечером.

Мой почтовый адрес для письма:

Москва, Главпочтамт. До востребования Бадееву Николаю Павловичу.

Как бы я хотел от вас иметь подробный конкретный ответ. Коля».

Внезапный визит Бадеева обескуражил Громову. Она прибежала ко мне чуть ли не в панике.

— Вот что вы наделали! Я сбегу! Я уеду из Москвы...

Я, как мог, успокоил ее и рассказал о полученных письмах.

— Сохраните выдержку до конца. Вы можете принести еще одну маленькую жертву ради будущего фельетона?

Под мою диктовку Громова написала Бадееву и пригласила его к себе.

Ровно в семь часов в квартире Громовой раздался резкий звонок. Бадеев явился с видом генерала, одержавшего крупную победу. Дверь ему открыла бабушка. Она расплылась в широкую улыбку:

— А вас ждут! — И проводила гостя в комнату Клавдии Семеновны.

Бадеев застыл у порога: в ярко освещенной комнате сидели три женщины. Все трое дружно пригласили:

— Заходите! Заходите!

Бадеев смутился. Кто же из них хозяйка? Такого маневра он никак не ожидал. Но, быстро овладев собой, церемонно представился:

— Бадеев Николай Павлович.

Женщины протянули руки, и каждая в тон ему назвала себя:

— Тамара Фирсовна Николаева! Мы с вами как будто заочно знакомы. Припоминаете?

— А я Колбасина Наталья Петровна. Догадываетесь?

— А я Громова... Вот и встретились...

Бадеев понял, что попал в западню. Казалось, ему отсюда не выбраться. Но не таков был Бадеев. Смерив уничтожающим взглядом Громову, он высокомерно произнес:

— Очень любезно с вашей стороны, Клавдия Семеновна, что вы собрали моих адресаток всех вместе. Мне нет нужды писать каждой в отдельности, что все это с моей стороны было просто шуткой и проверкой женской бдительности: насколько женщины могут быть легкомысленны и легковерны. Я даже фельетончик собирался тиснуть. Выходит, вы меня хотели проверить. Не получилось! Нашла коса на камень. Будем считать повестку дня исчерпанной. Пожелаю здоровья и личного счастья!

Он поклонился и вышел.

Бабушка, сидевшая на кухне, проводила Бадеева:

— Чего так скоро? Заходите, будем рады...

Когда мне рассказали об этой встрече, я искренне досадовал, что фельетон сорвался, хотя внутренне чувствовал, что Бадеев словчил и перехитрил меня. Но доказать обратное я не мог. Пришлось сдать переписку в архив...

И вот на днях я наткнулся на объявление о разводе Бадеева с женой. Я отправился в суд, где должно было слушаться дело.

Женщина-судья вызвала супругов Бадеевых. К столу подошел мужчина лет сорока. В кожаном пальто, тщательно выбритый, из раскрытого ворота виднелся яркий галстук. Жена его была намного старше — ей было за пятьдесят. Рыхлая, с лицом в оспинах, она суетилась перед судейским столом, упорно доказывая судье, что стала жертвой проходимца.

— Не успела, понимаете, два года назад разойтись с Пал Палычем, а тот, понимаете, пил без выходных, как появился этот голубчик. Через газету узнал, что развожусь, и принялся утешать. Коршуном налетел на невинную голубку, клялся, понимаете, до гробовой доски быть верным, прикинулся непьющим, а на деле не только свои деньги пропивает, но и мои транжирит. По курортам на мои деньги разъезжает, амуры заводит, а я ему штопай, стирай. Не я нужна была ему, а моя квартира. О таких в газетах надо писать.

И заплакала горькими слезами.

А Бадеев самодовольно ухмылялся. Он знал, что его разведут, что свою половину жилплощади он отсудит. Станет свободным и снова предложит какой-нибудь доверчивой женщине руку и сердце. И уже, наверное, загодя приготовил нежные послания: «С приветом. Ваш Коля».

ШУТЛИВЫЕ СТРОКИ

Борис МУРТАЗОВ

Родился человек, и плач его раздался:
Никто еще с улыбкой не рождался.

* * *

— Ругают за стихи?! Гордись, что ты в честй:
Бесплодную айву не стали бы трясти.

* * *

Дружба собутыльников, хоть слова их пылки,
Не прочнее под гору брошенной бутылки.

* * *

Нетрудно косторезу, да нельзя
Из каждой кости вырезать ферзя.

МОЙ СКАКУН

Подобно скакуну стихотворенье,
И тороплюсь я, кузнецу под стать,
Его в тиши у горна вдохновенья
На все четыре рифмы подковать,

Потом, потуже подтянув подпругу
(В аулах объезжают не таких!),
На всем скаку кричу ему, как другу:
— Пора догнать соперников лихих!

ОБМЕНЯЛИСЬ ЛЮБЕЗНОСТЯМИ

При встрече друга упрекал поэт:
— Читал стихи твои. Воды полно опять.
— Есть чем теперь,— послышался ответ,—
Тебе твои сухие орошать...

Перевод с осетинского
Я. КОЗЛОВСКОГО.

Лягушка и вол

Лягушка, на лугу увидевши Вола,
Затеяла сама в дородстве с ним сравняться...—

так начинается известная басня И. А. Крылова.

Как ни странно, сравнение лягушки и вола имеет основание.

Одна из обитательниц прудов и озер Северной Америки так и называется «лягушка-вол». Хотя до вола ей и далеко, но по своим размерам она перегнала обыкновенных лягушек. Ее туловище зачастую достигает 20 сантиметров, задние лапы — 25 сантиметров. В прыжке она может вытянуться почти на полметра. Свое название лягушка получила не только за размеры, а и за сильный голос. Вот что пишет об этом немецкий естествоиспытатель А. Брем: «Их голоса раздаются без перерыва целые ночи напролет и, как говорят, доводят людей со слабыми нервами, живущих на берегах рек, заселенных этими лягушками, чуть ли не до отчаяния».

А бразильская лягушка носит над глазами два «рога» — это веки в виде роговидных наростов. Лягушка называется рогатой. Эти лягушки необычайно прожорливы. Им ничего не стоит проглотить зазевавшегося утенка.

В наших водоемах эти разновидности лягушек не водятся. Посмотреть их можно в Московском зоологическом музее.

И. КАРТАШОВА, С. СЕРГЕЕВ

Химия... и моды

(См. 4-ю страницу обложки)

Представьте себе мягкий, пушистый длинноволосый мех, каждая шерстинка которого чуть отливает теплым серебристым блеском. Нечто вроде черно-бурой лисы, каким-то чудом природы вдруг совсем поседевшей. Шубка из этого меха выглядит богато и нарядно.

Вот на девчурке легкое беленькое пальтецо. Из какого меха оно сделано? Как будто кролик или зайчик, только подстриженный чуть покороче... А спортивная двусторонняя с капюшоном куртка, судя по блестящему, плотному, гладкому ворсу,— изделие из цигейки?

Вообще что это за меха?

Оказывается, все то, что мы с вами здесь видим, ни малейшего отношения к мехам не имеет. Все это... химия! Да, да, самая настоящая химия: трикотажные ткани, изготовленные из новейших образцов синтетического волокна.

Трикотаж, имитирующий мех, должен широко войти в быт нашего народа в ближайшие два — три года. В 1958 году майский Пленум ЦК КПСС принял решение об ускорении развития химической промышленности, обратив особое внимание на производство синтетических материалов и изделий из них. Выполняя это решение, Всесоюзный научно-исследовательский институт трикотажной промышленности вместе с коллективом фабрики имени Дзержинского создал новую ткань из волокна лавсан с анидом.

Недавно в Доме моделей трикотажных изделий Мосгорсовнархоза устраивался всесоюзный общественный просмотр новых образцов одежды. Всеобщий интерес и одобрение вызвали пальто, жакеты, куртки—спортивные и домашние,— сшитые из тканей искусственного и синтетического волокна по замыслу художников Е. Вейнгер, Н. Сиротинской, М. Павлонской, М. Корогодской.

— Над этими тканями легко и занятно работать,— говорит художник М. Д. Корогодская.— Они очень интересны по внешнему эффекту — и скромны и красивы.

Лавсан, анид, нитрон — вся эта новая синтетика нашего, отечественного производства очень хорошо «ведет себя» в носке. Она легко окрашивается, практична, не стареет и не вытирается по краям, как это свойственно всем настоящим мехам.

— А если запачкается?.. Уж очень маркие цвета для детской одежды — беж, розовый, белый...

Узнаем, что искусственный трикотаж хорошо чистится.

Да вот взгляните сами, как свободно и непринужденно чувствуют себя в теплой, удобной зимней одежде, пошитой из ткани с начесом, питомцы детского сада ленинградской трикотажной фабрики «Красное знамя». Эта фабрика тоже производит ткани из искусственного волокна. Детишки из детского сада фабрики «Красное знамя», как видим, не просто демонстрируют перед фотообъективом свои новые пальто (тот же лавсан и эластик), а старательно «испытывают» их уже, так сказать, на прочность.

Результаты отличные.

— Мы даже пробовали стирать ткань,— рассказывает старший технолог московского Дома моделей Таисия Григорьевна Самарина.— После стирки начес сохраняет пушистость; трикотаж не садится.

Таисия Григорьевна приносит куски искусственного меха, и мы с любопытством берем их в руки. С изнанки — малопривлекательная, грубая, с крупным переплетением волокон хлопчатобумажная пряжа. А лицевая сторона приятно ласкает и греет пальцы. Шелковистый ворс лежит ровными, густыми, слегка волнистыми прядями, напоминая то пыжик, то кротовую шкурку, то мех ангорской козы. Все это разные сорта каракулевого капрона. Есть даже набивной искусственный мех: пушистый и пестренький, как леопард.

Короче говоря, всем нам захотелось иметь такие вещи! И для себя, и для своих детей, и для всех добрых знакомых, и для незнакомых советских людей.

Мы просим всех, кто работает над изготовлением этих чудесных химических тканей: думайте, делайте, выпускайте их быстрее! Они нужны народу!

Фото Ю. Кривоносова и Б. Уткина.

Рыба-почтальон

Отвечаем читателям

Эта металлическая пластинка была обнаружена нами в атлантической сельди. Интересно узнать, для чего рыба носила ее в своем теле.

А. ОЛЕЙНИК

село Скрицкое, Винницкая область.

— Такими пластинками пользуются для мечения сельдей норвежские и исландские ученые,— сообщил корреспонденту «Огонька» заместитель директора Всесоюзного института морского рыбного хозяйства и океанографии доктор биологических наук Юлий Юльевич Марти.— Их вводят в полость тела рыб с помощью специального инструмента, напоминающего пистолет. Обычно эти метки находят при обработке рыбы на муку, обнаруживая их с помощью электромагнита. Систематическое применение меток в рыбном промысле дает возможность устанавливать пути движения рыб разных пород, а также судить об интенсивности рыболовства в разные годы и в разных районах. Обнаружившему в рыбе метку выплачивается небольшая премия.

БУТЫЛКА В МОРЕ

Недавно на берегу Балтийского моря я нашел запечатанную бутылку. В бутылке оказались карта и пояснения к ней на иностранных языках.

В. АНДРЕЙЧУК

Синявино, Калининградская область.

Летом прошлого года редакция датского «Семейного журнала» бросила в море у датских берегов двадцать тысяч бутылок, а в каждую из них поместила цветную карту и тексты. Карта издана наподобие старинной. В ней и в текстах надо проставить недостающие слова, а затем отослать эти бумаги в редакцию журнала для участия в розыгрыше моторной лодки. Всех лиц, нашедших бутылки с «почтой», просят уведомить редакцию датского журнала о находках.

Китайские марки

Отмечая возвращение китайских добровольцев из Кореи на родину, Министерство связи КНР выпустило серию марок. На них изображены два бойца дружественных стран и встреча вернувшихся с родными.

Чжоу Хо-линь

Шанхай.

Узбекские пословицы и поговорки

Два арбуза под мышкой не удержишь.
Враг побежит, если ты не побежишь.
Скорпион своих привычек не меняет.
Хитрую птицу за клюв ловят.

Найдет добряк—насытится всяк, найдет скупой—наступит ногой.
Кошка до мяса не допрыгнула и сказала: «Фу, какое!»
Прилежный молоток и в камешек вобьет гвоздок.
Ученый сын старше неученого отца.

Народные усмешки

ОПРАВДАЛСЯ

Хлопчик вернулся из школы домой. Глянула мать: новая его шапка разорвана и вся в грязи.

— Это что же такое? — удивилась она.

— Да это хлопцы...

— Что хлопцы?

— Сняли с меня шапку и начали в футбол играть...

— А где ты-то был?

— Я в воротах стоял.

Записал М. С. ДЕЙНЕКА.

Город Золочев, Львовской области.

НАУЧИЛ

Один солдат очень плохо стрелял. Унтер стрелял еще хуже, но он все-таки решил поучить солдата.

— Эх ты, недотепа, вот я тебе покажу, как надо попадать!

Выстрелил унтер раз. Не попал.

— Это вот ты так стреляешь,— сказал он солдату.

Выстрелил второй раз. Не попал.

— Так стреляет твой дружок.

Выстрелил третий раз. Опять не попал.

— Так стреляет наш ефрейтор.

Наконец в четвертый раз унтер попал в цель.

— О! Вот так ты должен стрелять!

Записал И. Д. САВУЛА.

Село Пчани, Жидачевского района, Дрогобычской области.

Перевод с украинского.

Старый холостяк после тиража лотереи:

— И еще чего-то не хватает...

Шутка Г. ОГАНЕСОВА.

Редкая фотография Пятницкого

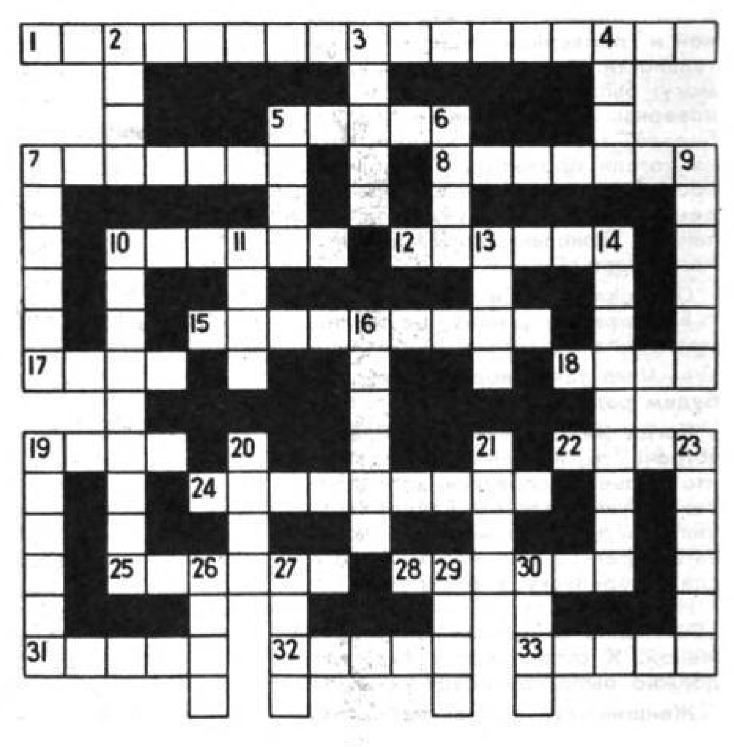

В Центральном государственном архиве литературы и искусства СССР собраны сотни документов о жизни и деятельности организатора популярного русского народного хора Митрофана Ефимовича Пятницкого. В архиве хранятся его нотные автографы, переписка, фотографии.

Здесь публикуется редкая фотография Пятницкого, сделанная в подмосковном санатории «Лебедь» в 1926 году.

Н. ЧЕРНИКОВ

КРОССВОРД

По горизонтали:

1. Независимость. 5. Государство в Азии. 7. Раздел механики. 8. Специальное судно. 10. Месяц. 12. Часть текста. 15. Направление в литературе и искусстве. 17. Столица Эквадора. 18. Действующее лицо повести А. Толстого «Хлеб». 19. Прохождение производственной практики. 22. Выступающая в море полоса суши. 24. Воинское звание. 25. Смола хвойных растений третичного периода. 28. Полуостров в Азии. 31. Музыкально-драматическое произведение. 32. Фигура высшего пилотажа. 33. Роман Т. Драйзера.

По вертикали:

2. Продукт размола зерна. 3. Поездка артистов на гастроли. 4. Определенный промежуток времени. 5. Животное семейства кошачьих. 6. Инструмент типа скрипки. 7. Мужская двубортная одежда. 9. Подвесной осветительный прибор. 10. Место действия одной из книг очерков Эгона Эрвина Киша. 11. Поперечные нити ткани. 13. Цветок. 14. Наука о сельском хозяйстве. 16. Известный английский ученый. 19. Бухгалтерская журнальная статья. 20. Помещение для нескольких зрителей. 21. Официальная отметка на документе. 23. Точка лунной орбиты, наиболее удаленная от Земли. 26. Лестница на судне. 27. Русский живописец-баталист. 29. Денежная единица Ирана. 30. Приток Северной Двины.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 6

По горизонтали:

7. Фигурист. 8. Богданов. 10. Шхеры. 11. Лютик. 13. Пошехонье. 16. Прогон. 17. Фурор. 19. Реомюр. 20. Водоизмещение. 23. Эрмлер. 24. Туран. 25. Моцарт. 29. «Лучинушка». 30. Дозор. 32. Гладь. 33. Предание. 34. Ушинский.

По вертикали:

1. Кинескоп. 2. Думы. 3. Тиокол. 4. Угодье. 5. Балл. 6. Кострома. 9. Архаромеринос. 10. Шлюп. 12. Каюр. 14. Соловей. 15. Левитов. 17. Флинт. 18. Рощин. 21. Умбозеро. 22. Палласит. 23. Этюд. 26. Тюль. 27. Путина. 28. Акация. 31. Родэ. 32. Гусь.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ. Редакционная коллегия: Б. В. ИВАНОВ (ответственный секретарь), Н. Н. КРУЖКОВ, Л. А. КУДРЕВАТЫХ (заместитель главного редактора), Л. М. ЛЕРОВ, Д. Т. ЛОБАНОВ, И. Ф. ТИТОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: Москва, Д-47, ул. «Правды», 24. Рукописи не возвращаются. Оформление Л. Шумана.

Телефоны отделов редакции: Секретариат — Д 3-38-61; Отделы: Внутренней жизни — Д 3-39-07; Международный — Д 3-38-63; Искусств — Д 3-38-33; Литературы — Д 3-31-83; Библиографии — Д 3-38-26; Науки и техники — Д 3-38-65; Юмора и сатиры — Д 3-32-13; Спорта — Д 3-32-67; Фото — Д 3-35-48; Оформления — Д 3-38-44; Писем — Д 3-36-28; Литературных приложений — Д 3-30-39.

А 00133. Подписано к печати 5/II 1959 г. Формат бум. 70×108⅛. 2,5 бум. л.— 6,85 печ. л. Тираж 1 500 000. Изд. № 136. Заказ № 145.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина, Москва, Д-47, ул. «Правды», 24.

В. П. Ефанов. Работницы Автозавода имени Лихачева Н. С. Сударикова и В. Т. Мухина из бригады кузнечного цеха, соревнующейся за звание бригады коммунистического труда.

Цена номера 3 руб.

См. 31-ю страницу.

